ДЖОН ШЕЛБИ СПОНГ

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ
НОВЫЙ ВЗГЛЯД

за пределами религии,
мистики и науки

Джон Шелби Спонг

Вечная жизнь: новый взгляд. За пределами религии, мистики и науки

«Эксмо»
2009

УДК 13
ББК 87

Спонг Д.

Вечная жизнь: новый взгляд. За пределами религии, мистики и науки / Д. Спонг — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-04-098855-6

Однажды биологические часы остановятся. Во что верить, когда точно знаешь, что конец неминуем? На что можно надеяться, если больше не готов слушать благочестивые сказки? Критики называют Джона Шелби Спонга самым лютым еретиком XX века. Сторонники – предтечей новых глобальных сдвигов в религиозном мировоззрении. Эта книга – первая возможность для русскоязычных читателей познакомиться с идеями одного из блестящих интеллектуалов нашего времени, задающего направление всем самым интересным богословским спорам сегодня. Торжественно-печальная симфония, сочиненная старым мастером на исходе жизни, монументальное кредо, проникновенная исповедь, глубокое представление взглядов интеллектуально честного христианина на жизнь и смерть.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-04-098855-6

© Спонг Д., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Предисловие 6
1. Напутствие от автора в дорогу 12
2. Жизнь – случайность 21
3. Хитросплетения нашей жизни 26
4. Танец со смертью: открытие бренности 31
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Джон Шелби Спонг
Вечная жизнь: новый взгляд. За пределами религии, мистики и науки

John Shelby Spong
Eternal Life: A New Vision: Beyond Religion, Beyond Theism, Beyond Heaven and Hell
© 2009 by John Shelby Spong. All rights reserved. Published by arrangement with HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Published by arrangement with HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers
© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Эта книга посвящается тем людям, которые особенно дороги мне: своей смертью они учили меня не только тому, как умирать, но, что гораздо важнее, тому, как жить и надеяться на новую жизнь за гранью нынешней. О каждом из них говорится в предисловии – вместе с кратким описанием даров, которые мне от них достались.

Джон Хантер Гриффит (1868–1935)
Джон Шелби Спонг-ст. (1889–1943)
Малкольм Линвуд (Бак) Бейкер (1944–1958)
Шари Энн Раунтри (1961–1963)
Кэрол Фэй Терри (1952–1966)
Корнелия Берта Мари Брауэр Ньютон (1926–1971)
Джеймс Грейсон Кэмпбелл (1929–1976)
Джоан Лидия Кетнер Спонг (1929–1988)
Дули Бойс Гриффит Спонг (1907–1999)
Эмили Джейн Фейлла (1982–2006)
Джон Харви Найт (1960–2006)
Розали Сюзанна (Розанна) Гарретт Эппс (1922–2008)
Я в долгу перед каждым из них.

ДШС

Предисловие

Вполне возможно, эта книга для меня последняя! Тем уместнее поговорить в ней о финале, о котором и пойдет речь. Да, я помню, что о «последней книге» уже упоминал. Вообще-то это моя пятая «последняя книга». Я написал даже автобиографию. После того как автобиография написана и опубликована, автору полагается умереть. А я не умер. Вместо этого для меня продолжились, вероятно, самые увлекательные и творческие годы моей жизни – и в профессиональном, и в личном отношении. За это время я написал еще три книги. Когда выйдет эта, мне уже будет семьдесят девять, и хотя не сомневаюсь, что другие способны прожить гораздо дольше, сохранив ясный ум и личную дисциплину, необходимые для написания прекрасных, поистине мастерских книг, мой возраст сочетается с тем фактом, что в этой книге достигли кульминации главные темы моей писательской карьеры. «Вечная жизнь: новое видение» замыкает круг, по которому я шел уже некоторое время, и служит надлежащим заключением данного этапа моей жизни.

Написание еще одной книги неизбежно потребовало от меня самым серьезным образом освоить совершенно новую область. На своем опыте я убедился, что предмет каждой новой книги неизменно открывается мне благодаря исследованиям, проведенным в ходе подготовки к книге предыдущей, так что новая оказывается не чем иным, как еще одной главой, развивающей или, возможно, дополняющей аналогичную тему. Должен признаться: при работе над этой книгой я вроде как чувствовал то же самое, и все же новый предмет оказался столь обширным, а мое прежнее знакомство с ним – столь поверхностным, что на освоение материала, необходимого, чтобы осмелиться о нем написать, ушли бы годы. Такой роскоши я лишен, моя способность провести необходимые исследования ограничена, а потому остается лишь разобрать новые озарения и указания по главам и предложить кому-нибудь из новых поколений сделать их сферой своих научных интересов. Так что позвольте просто отметить для истории, что эта книга о жизни после смерти побудила меня вчитаться в четвертое Евангелие и совершенно по-новому его оценить.

Ранее меня отталкивала христология Евангелия от Иоанна: как мне всегда казалось, в нем подразумевается, что Иисус был явлением божества, лишь выдающего себя за человека. Мне известно, какое влияние Евангелие от Иоанна оказало на историю христианства в период формирования, к примеру, догматов о боговоплощении или Святой Троице. Христология такого рода, по моему убеждению, стала практически недействительной в свете открытий Коперника, Галилея, Ньютона, Дарвина, Фрейда и Эйнштейна, с которыми христианская вера должна считаться, если хочет взаимодействовать с реальным современным миром. Но когда мои исследования для этой книги привели меня к вопросам сознания, самосознания, а после – высшего и, наконец, вселенского сознания, утверждения Иоанна, приписываемые Иисусу, – такие как «Я и Отец – одно» и «Видевший Меня видел Отца», начали приобретать для меня новый смысл. Именно тогда у меня появилось желание изучить наследие Иоанна и написать об этом Евангелии с новой точки зрения.

Появился и второй аспект: работая над этой книгой, я все больше приходил к убеждению, что Евангелие от Иоанна было написано на основе раннего иудейского трехгодичного лекционария – и если бы нам удалось поместить содержание Евангелия обратно в этот контекст, оно читалось бы совсем не так, как большинство христиан читают его сегодня. Это означает, что, несмотря на одаренность таких ученых, как Ч. Г. Додд, Эдвин Хоскинс, Уильям Темпл и Раймонд Браун, – и это лишь некоторые из видных специалистов по наследию Иоанна, труды которых я читал, – нам так и не удалось в полной мере найти ключ к пониманию этого Евангелия или даже каким-либо образом к нему подступить. Увидеть в Евангелии от Иоанна сначала иудейский лекционарий, потом взглянуть на него не в аспекте боговоплощения, а

сквозь призму высшего сознания и мистической перспективы, в свете которой жизнь едина с божественным и причастна вечности, – по-моему, это и есть ключ. Вхождение в эту дверь также означает, что у людей появятся основания воспринимать неотъемлемое отождествление Иисуса с Богом не в терминах боговоплощения, а как новый уровень человеческого сознания. При этом возникает не только обоснованное и новое направление, но и яркая, даже ослепительная вспышка нового понимания. Эти мысли я разовью, но лишь кратко, в заключительных главах данной книги, однако этот опыт побудил меня пожалеть об отсутствии надлежащей подготовки и времени, необходимых, чтобы рассмотреть сквозь эту новую призму четвертое Евангелие в целом. Для меня христианство уже не связано с идеей божества, которое вмешивается в дела людей, – нет, оно о богочеловеке, в котором Бог присутствует в высшей степени и видим в самой своей сути. Автор Евангелия от Иоанна, как я теперь убежден, видел это и понимал. Вот почему его Евангелие настолько отличается от любой другой книги Нового Завета. Я просто подошью эту пикантную улику к четвертому Евангелию, которому в будущем обязательно следует уделить внимание, и оно будет уделено. Кто-нибудь другой наверняка воспользуется этой возможностью и, когда это произойдет, напишет захватывающую, впечатляющую, поразительную историю Иисуса. Будь я уверен, что проживу еще пять лет, взялся бы сам. И в сущности, могу попытаться. Однако своим предисловием я вдохновляю других взяться за это исследование и пройти по этому пути. Порадуюсь их будущим успехам. С этой оговоркой могу, не опасаясь противоречий, заявить: если не решат переиздать что-то из моих ранних творений, эта книга для меня, вероятно, последняя.

По сути дела, это своего рода смертный опыт, – признать, что с публикацией этого тома твоя карьера автора, может быть, завершится. Я продолжу писать еженедельную интернет-колонку, пока могу и пока того хотят подписчики, возобновляя свои подписки, но сомневаюсь, что новые книги выйдут из-под моей авторучки на линованный блокнот – и то и другое выдает во мне продукт прежнего поколения. Двадцать два тома, три из них в соавторстве, переводы на большинство европейских языков плюс корейский, арабский и индонезийский – этого вполне хватит для сочетания «карьера удалась». Каждый автор размышляет о том, как будет оценен его или ее вклад. Подозреваю, если будущие поколения вообще заметят меня, то скажут: «Как-то он осторожничает», – в отличие от некоторых нынешних критиков, заявляющих: «Он слишком радикален!» Я вижу, эти будущие мыслители – да, открыто христианские мыслители, – уже появились на горизонте и в своих трудах стремятся туда, куда моя мысль еще и не проникала. Гретта Воспер из Онтарио, Иэн Лоутон из Мичигана, Эрик Элнс из Небраски, Карлтон Пирсон и Робин Мейерс из Оклахомы, Джефф Проктор-Мерфи и Дэвид Фелмен из Аризоны, Хью Доуз из Англии и Грег Дженкс из австралийского Брисбена: вот чьи имена я назову в первую очередь, ибо именно их считаю наиболее творческими (из относящихся к Церкви) голосами нового поколения. Каждый из них сильно повлияет на развивающийся христианский мир. И если я уже сейчас могу оценить, сколь велики те дары, которые они принесут миру, то время, скорее всего, прояснит это для бесчисленного множества других людей. Сам я во всей своей жизни на пределе возможностей говорил о христианской вере, к которой питаю столь глубокую любовь. Меня радует то, что я, возможно, помог другим даже превзойти меня. Каждый должен жить в рамках собственного времени, отведенного историей. Я построил мост от моего христианского прошлого к новому христианскому будущему. И я рад тому, что в этой книге, как мне кажется, дошел до той точки, откуда виден иной мир, и мне уже вполне достаточно просто его видеть.

Мои благодарности относятся к ряду людей помимо тех, кого я упомяну в своей несколько автобиографической первой главе. Прежде всего выражаю признательность Эндрю Скримджеру, декану библиотек Университета Дрю в Мэдисоне, Нью-Джерси. Энди не только проводил для меня исследования, но и на протяжении долгих лет предоставлял в мое распоряжение один источник сведений за другим. Он обеспечил мне доступ к материалам Теологи-

ческой библиотеки Университета Дрю (хорошего методистского учебного заведения), как если бы я входил в число его преподавателей, и вдобавок выделил мне собственную кабинку для занятий в зале. Я в огромном долгу перед ним и Университетом Дрю.

Далее – Джеральд Ф. Уайт, восьмидесятилетний отставной юрист из Элизабет-Сити, Северная Каролина. Джеральд пишет мне три или четыре раза в год, он не только поддерживает меня в нынешних исканиях, но и с нетерпением ждет, когда увидит их окончательный результат. Опасаясь не дожить до выхода книги, он убедил меня прислать ему экземпляр неотредактированной рукописи. Эта просьба была исполнена. А сам он жив и счастлив и по сей день.

Затем – Билли Кингстон, профессор Тринити-колледжа в Дублине, Ирландия, и его жена Мэри, которые не только осаждали меня вопросами в конференц-центре Святого Дейниола в Хардене, Уэльс, но и прислали мне два монументальных фолианта: один, за авторством Алана Сигала, – с подробностями представлений о жизни после смерти в различных мировых религиях, – занял чрезвычайно важное место в моих исследованиях; вторым был анализ идеи воскресения, отраженной в христианстве и иудаизме. Его провели Кевин Мэдиган и Джон Левенсон. Обе книги упоминаются в библиографии.

Среди тех, кому я посвятил эту книгу, в живых уже не осталось никого. Но все эти люди преподали мне насущные уроки – как жить, как умирать, как не терять надежды. Вместе с тем их смерть сделала открытую и публичную борьбу со смертью необходимой для меня. Вне круга родных и близких друзей никто не счел бы их общественными деятелями, но они были моими учителями, и с этой книгой часть даров, доставшихся мне от них, перейдут, надеюсь, ко всему миру в целом. Позвольте мне в качестве привилегии кратко поведать о каждом из них – в порядке очередности их ухода из этого мира.

Джон Хантер Гриффит – мой дед с материнской стороны. Его смерть для меня, еще не достигшего пятилетнего возраста, стала первым опытом потери человеческого существа. Как свидетельствует эта книга, именно тогда началось мое путешествие длиной в жизнь – в мир смысла и реальности моей собственной смертности.

Джон Шелби Спонг – мой отец. Я – «младший», но поскольку на момент его смерти мне было всего двенадцать, эта приставка, «младший», не фигурировала никогда и нигде, кроме документов социальной страховки. Смерть отца изменила мой путь кардинальным и роковым образом. Жаль, что мои дети его не узнали – и что его, в сущности, не знал я сам.

Малкольм Линвуд (Бак) Бейкер, юный атлет, полный сил и жизни, входил в школьную команду по плаванию. Они тренировались в бассейне, как вдруг кто-то увидел, что Малкольм лежит на воде лицом вниз. Из всего множества людей, которые были вокруг, никто ничего не заметил, пока не стало слишком поздно. Его родители, Офелия и Ной – мои близкие друзья и на редкость сильные духом люди.

Шари Энн Раунтри не дожила даже до двух лет. Как-то, оставшись на попечении бабушки, она случайно проглотила яд. Других детей ее родители иметь не могли. Винить в случившемся было некого. Скорее, произошло одно из тех жизненных событий, которые навсегда останутся необъяснимыми. Ее смерть казалась столь жестокой, столь легко предотвратимой и столь трагической, что память о ней будет отзываться болью в душе ее близких до конца их дней, – а равно так же моих: смерть этой малышки поставила вопрос о теодицее так, что ответить на него оказалось невозможно. Ее бабушки и отца уже нет в живых, но Энн, ее мать, все еще живет с этими шрамами. Позднее она усыновила двоих мальчишек, преобразивших ее жизнь.

Кэрол Фэй Терри, старшая дочь четы Терри – Марты и Губерта. В одиннадцать лет у нее диагностировали лимфому Ходжкина. Она умерла за день до своего четырнадцатилетия. Уход Фэй, медленный и вместе с тем неизбежный, дал мне познать опаляющую боль смерти, – но и то, какой прекрасной и чистой может быть юная жизнь.

Корнелия Берта Мари Брауэр Ньютон первой из взрослых позволила мне – по сути дела, даже предложила – пройти вместе с ней опыт ее собственного умирания. Ее муж был врачом, а она – матерью троих маленьких детей. Благодаря Корнелии я стал переосмысливать значение молитвы. Она вдохновила меня на создание первой книги «Honest Prayer» («Искренняя молитва») и подсказала ее название, хотя и не упомянута на ее страницах.

Джеймс Грейсон Кэмпбелл, врач-рентгенолог из Виргинского медколледжа. Лейкемия. После диагноза он прожил всего год. Как медик, он прекрасно понимал, что умирает, и весь этот короткий год почти ежедневно делился со мной тем, что это значит – умирать. Свою первую книгу о воскресении Иисуса, *The Easter Moment* («Пасхальное мгновение»), я написал благодаря ему. Его жена Рут, тоже врач, живет в Ричмонде, штат Виргиния.

Джоан Лидия Кетнер Спонг. Моя жена. Я расскажу о ней чуть позже, а пока достаточно будет сказать, что в конечном итоге Джоан сочла смерть блаженным избавлением от долгой и изнурительной болезни. Но она в большей мере, чем кто-либо другой, побудила меня задуматься о моих собственных ограничениях так, что я уже не смог остаться прежним.

Дули Бойс Гриффит Спонг. Моя мама. Наделенная множеством дарований, она осталась вдовой в тридцать шесть, с тремя маленькими детьми, без денег и востребованных навыков и, хотя и не закончила даже девяти классов, сделала все что могла, стремясь выжить. Я с нескрываемым восхищением смотрел, как она стареет. Она продала дом и почти все имущество и без видимых страданий переселилась в дом престарелых. Она никогда не привязывалась к земным вещам. Ее мир с годами сокращался: она теряла зрение, слух, способность ходить и, наконец, в девяносто два года, умерла. Она учила меня распознавать, что на самом деле важно в жизни. Мне выпала честь быть ее сыном, и надеюсь, я всей своей жизнью почтил ее.

Эмили Джейн Фейлла, юная девушка, полная сил. Я знал ее с тех пор, как ей исполнилось четыре; на моих глазах она стала незаурядным подростком, блестящей студенткой и выдающимся учителем. Она погибла в двадцать четыре. Несчастный случай в горах. Эмили научила меня тому, что жизнь – это скорее качество, а не количество. Она жила недолго, но ярко. Ее родители, Кей и Фрэнк, а также ее младшая сестра Лорен по сей день мне дороги.

Джон Харви Найт, взрослый сын двух моих самых близких друзей, Миллисент и Элиота. Джона, семьянина и отца троих маленьких детей, нашли мертвым дома, рано утром, на следующий день после Рождества. У него не было ни проблем со здоровьем, ни тревожных симптомов. Его смерть стала внезапной и необъяснимой. Ее обстоятельства исключили для меня любую возможность в дальнейшем прятаться от реальности за ханжескими клише и эмоционально лживыми заверениями. Открытое признание этого стало основой моей гомилии на его похоронах – и помогло мне понять, что наша неготовность смотреть смерти в лицо явно изобличает бессмысленность большинства религиозных разговоров о Боге даже среди верующих.

Розали Сюзанна (Розанна) Гарретт Эппс. Ее похороны были последними, в которых я участвовал по долгу службы. Она умерла уже после того, как я отправил в издательство рукопись этой книги. Сама книга навеяна ей в большей степени, нежели кем-либо из моих знакомых. Розанна – олицетворение мыслей, вложенных в мой труд. Она прожила насыщенную и хорошую жизнь. Была представительницей того поколения, где женщины сочетали брак, семью и карьеру. В свои восемьдесят с лишним лет Розанна вела постоянную рубрику в газете. Когда стали умирать ее сверстники, у нее появились друзья среди молодежи. Ее отличала жажда жизни, какой достигают лишь немногие. В год своей смерти она занимала пост в Обществе юридической помощи. В своей гомилии на ее похоронах в Ричмонде, штат Виргиния, я впервые высказал мысли, которые излагаю здесь. Они идеально соответствовали Розанне. Для меня она была родственной душой, другом и даже матерью моей дочери Эллен.

Я благодарен им всем за то, что учили меня.

Хочу также выразить благодарность моим онлайн-издателям и редакторам из *Waterfront Media* в Бруклине, штат Нью-Йорк: Майку Кериакису, Бену Волину, Марку Робертсу и Розе-

Анне Генри. С их помощью моя еженедельная колонка воплощается в реальность на протяжении вот уже семи лет. Именно написание этого текста каждые семь дней порождало мысли, в конце концов явленные в моих последних книгах, и в этой в том числе. Особенно хорошо помню два текста для колонки: "A Conversation About Death in New Zealand" («Разговор о смерти в Новой Зеландии») и "Emily Jane Failla: A Special Life." («Эмили Джейн Фейлла: особенная жизнь»). Оказалось, я даже не сознавал, в какой мере обдумываю свои чувства и проясняю мысли, пока пишу статьи. Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что мои проповеди в начале пути служили той же самой цели.

На протяжении ряда лет моей профессиональной жизни мне выпала честь работать с чудесным секретарем – удивительной женщиной по имени Мэрилин (Лин) Конрад. Она и ее муж Дэвид стали моими друзьями. Как я был рад, когда она охотно согласилась отложить обязанности бабушки и радости жизни на пенсии и вернулась к работе, решив напечатать черновик этой рукописи! Работа вместе с ней над этой книгой напомнила мне, сколь приятным было наше десятилетнее, далеко не случайное сотрудничество при написании пяти предыдущих моих трудов.

Неизмеримую помощь мне оказали Марк Таубер, издатель из *HarperOne;* Майкл Модлин, мой редактор; Лиза Сунига, руководитель проекта; и литературный редактор, Кэти Райгстад.

И, наконец, еще раз во всеуслышание благодарю свою семью за любовь и поддержку и за смысл, обретенный мною благодаря им. Кристина – моя обожаемая жена, мой профессиональный партнер, редактор, моя наперсница, ближайший друг и глубочайшая любовь. Эта книга откроет: глубина наших с ней отношений – одно из моих окон в вечность.

Кроме того, мне выпала честь на протяжении тридцати семи лет быть мужем Джоан Лидии Кетнер Спонг, одной из тех, кому я посвятил эту книгу. Поскольку это, вероятно, моя последняя книга, мне хочется уделить Джоан еще несколько слов. Ее преждевременная смерть от рака в 1988 году завершила слишком краткую, но прекрасную жизнь, и боль от заключительной стадии ее болезни, долгой и тяжелой, делала невозможными любые публичные упоминания о ней до сравнительно недавнего времени. Она – мать наших троих дочерей, и вместе с ними она дарила мне такое обилие любви, что мне удалось войти в непрестанно расширяющийся круг, называемый жизнью, так, как я не мог и представить. Не хочу, чтобы память о ней когда-либо покинула мое сознание. Моя любовь к Джоан не соперничает с моей способностью любить других – напротив, развивает эту способность. Я всегда буду любить Джоан. И потому моя любовь к Кристине становится еще глубже и преображает меня еще сильнее.

Далее – три моих дочери, которых я полюбил в первый же миг их рождения: Эллен Элизабет, Мэри Катарина и Жаклин Кетнер. Позднее этой любви удостоились также обрели их мужья и спутники: Гас Эппс (Огастес Э. III), Джек Кэтлетт (Джон Б. II) и Верджил Спериосу, а после – их дети и мои внуки: Шелби, Джей (Джон Б. III), Джон и Лидия, и даже их питомцы – кот Нолан (в честь Нолана Райана) и собаки Элси Лу (весьма южная кличка), Бурый (весьма описательная кличка), Джерси Роуз (немецкая овчарка, названная так, ибо родилась и выросла в Нью-Джерси) и Самми (еще одна немецкая овчарка, названная в честь Самми Сосы). Мой близкий семейный круг значит для меня больше, чем можно выразить словами. Сейчас они удивительны. И я волнуюсь, когда думаю о том, какими они будут через поколение.

Далее – мои приемные дети, после моего брака с Кристиной чудесным образом украсившие мою жизнь: Брайан Янси Барни, его жена Джулиэнн и их бойкие близняшки; Кэтрин Элейн и Колин Дэвид – благодаря им мой второй опыт в роли деда стал ярким и запомнился надолго; и Рейчел Элизабет Барни, беспокойная непоседа, не знающая меры в тяге к приключениям и неизменно влекущая меня к новому опыту жизни и риска. Я благодарен им за всю радость, принесенную ими в мою жизнь и жизнь их матери, моей любимой Кристины.

И, наконец, благодарю вас, мои читатели. Вас уже больше миллиона, если считать, что каждую купленную книгу прочитал хотя бы один человек. Я признателен вам за то, что позво-

лили войти в вашу жизнь через книги, в которых я стремился обратить внимание поколения на то, что веровать – это прежде всего возрастать в человечности. Вот почему почитание Бога столь важно для меня, и именно этого Бога я вижу в Иисусе, совершенном человеке, чья человечность стала точкой соприкосновения с тем, что мы называем «божественным». Как покажет эта книга, Иисус в моем представлении столь радикально расширил границы самосознания, что переосмыслил и Бога, и смысл человеческой жизни. Вот почему христиане неизменно утверждают, что обретают, принимают и познают Бога в Иисусе. Проблема в том, чтобы отойти от традиционного теистического определения Бога, не позволяющего столь многим понять Иисуса. Он – совершенный человек; Он сделал святое зримым; Он обладал всей полнотой сознания; Он позволил нам увидеть, что человеческое и божественное едино; и Он, истинно живой, дал нам понять, что смерть, в конечном итоге – одна из жизненных сфер, сквозь которую мы вершим свой путь в вечности. Именно четвертое Евангелие, говоря о Боге и Иисусе, лучше всех отразило этот смысл, когда его автор выразил цель Иисуса – даровать нам жизнь, и даровать с избытком. Надеюсь, той же цели послужит и эта книга.

Джон Шелби Спонг
Моррис-Плейнс, Нью-Джерси

1. Напутствие от автора в дорогу

Несомненно, некоторые люди оказываются вовлеченными в славу. И это побуждает меня хотеть, а иногда и жаждать пути, требующего усилий… Туда, к известности[1].
Оуэн Доулинг

Прежде чем читатели воспримут эту книгу как творение разума, необходимо учесть, как она рождалась на свет. А история эта настолько личная, что сперва мне потребуется представить ее предмет, «Жизнь после смерти», в соответствующем контексте. Помимо прочего, он объяснит, почему я должен был написать эту книгу.

В некотором смысле я готовился к ней всю жизнь. О смертности и ее смысле я стал задумываться еще в то время, когда впервые столкнулся с ее реальностью – умер мой домашний питомец. Мне не было и трех. Как и все мы, с тех пор я приобрел обширный опыт встреч со смертью за свои семьдесят – библейский век, уже лет десять как истекший. Но я все еще веду счет этим встречам. Неумолимо, как мотылька к пламени свечи, меня влекло к познанию смерти и к вопросу, которому религия уделила столько сил, а именно: открывает ли смерть двери к чему-то большему. Сейчас я понимаю, что мои исследования весьма увели меня от веры религиозным авторитетам, чьи слова я некогда считал истиной в последней инстанции. Прежде всего стоит сказать, что я возрастал на молоке евангелического фундаментализма. **Меня учили верить, что Священное Писание – это слово Божие, и оно непогрешимо.** В то время жизни я мог без колебаний петь такие гимны, как «Залог блаженства, Иисус со мной», свидетельствующие о моей преданности Иисусу в «предвкушении славы Господней». Но знания росли. Новый мир вторгался в мою евангелическую систему гарантий и подрывал мою уверенность. Представления о том, что Писания непогрешимы, в конечном итоге оказались не чем иным, как ненадежным, утлым суденышком, которое дало течь и которое придется покинуть. Ла, религиозные концепции утрачивают прочность, когда в свете образования перестают быть правдоподобными. Я старался, порой с огромным рвением, остаться на борту этого библейского судна, но это оказалось невозможным. В конце концов я пришел к выводу, что никакими человеческими словами, ни древними, ни современными, невозможно передать высшую истину, – потому и стал искать выход из этой распавшейся на части библейской защитной системы.

На деле от библейского фундаментализма я отошел лишь тогда, когда обнаружил равную по силе альтернативу, к которой мог апеллировать, – под условным названием «авторитет Церкви». Теперь, по прошествии лет, я понимаю, что это был всего-навсего шажок от фундаментализма одного рода к другому, но в то время я ощущал его как гигантский скачок. Я хорошо усвоил жаргон моего нового идолопоклонства. «Церковь не только создавала Священные Писания, – заявлял я. – Церковь также решала, какие книги составят его священный текст». В сущности, эти заявления были исторически точными, по крайней мере в отношении Нового Завета, но вывод, который я делал из них, оказывался не вполне последовательным. «Одна только Церковь, – продолжал я, – обладает достаточным авторитетом и правом верно толковать Священные Писания». И я считал, что теперь мои фланги под надежным прикрытием. Но хоть я и твердил, как попугай, эти шаблонные фразы, я не мог не сознавать слабость подобных доводов. Разумеется, я понимал: мне требуется гораздо больше определенности, если я собираюсь сделать эти заявления правдоподобными для тех, кто не влюблен в

[1] Из неопубликованной поэмы Оуэна Доулинга *Tracts* («Трактаты»), написанной в сентябре 2007 года. В 2008 году он умер. Процитировано с разрешения Глории Доулинг, вдовы Оуэна.

Церковь, подобно мне в то время. А я всего-то и сделал, что заменил один несостоятельный авторитет, Библию, другим столь же несостоятельным авторитетом, Церковью. Для того чтобы Церковь служила мне высшей инстанцией, ее следовало наделить своего рода божественной непогрешимостью, точно так же, как Священные Писания были ранее наделены божественной безошибочностью.

Истерия, которую, по-видимому, всегда вызывали подобные утверждения, побудила меня задаться совсем иными вопросами. Действительно ли люди, которым требуется определенность в вопросах религии, а имя им, видимо, легион, верят в то, что говорят? Неужели не понимают, что это лишь отговорки? А если понимают, тогда почему так себя ведут? Стоит только оспорить их притязания на религиозный авторитет, и они не вступят в разумный диалог – но разъярятся и рассвирепеют. Подлинная преданность никогда не порождает гнев. Он неизменно вспыхивает, когда что-то угрожает чувству защищенности. Я пришел к выводу, что наша *потребность* верить в Бога в таких высших вопросах, как жизнь после смерти, должна превосходить нашу *способность* верить во все это. Такое впечатление, что в тот момент, когда люди уже просто не могут верить своим словам, они по-прежнему верят в веру своим словам! И даже не замечают разницы. Подобно многим другим, я поступал так же, и довольно долго меня это устраивало – и успокаивало мою тревогу, пока я искал ответы, способные обуздать сомнения и убедить меня в том, что есть несокрушимая, вечная истина, которую я когда-нибудь обрету. Оглядываясь назад, я понимаю, что эта внутренняя потребность верить оказалась одной из причин, определивших мою дорогу в жизни: я стал священником, а в конечном итоге – епископом. Весьма немногие профессии позволяли, как моя, открыто размышлять над вопросами Бога, смерти и о том, есть ли что-нибудь после смерти, а если есть, то что именно. И я мог делать это под надежной защитой ответов, проверенных временем. Я ни на минуту не пожалел о своем решении, но именно потому, что именно в моем случае путь вывел меня за пределы всех человеческих ответов и границ, в том числе за грань самой религии, к бесконечному и ничем не стесненному поиску истины и смысла. Такой опыт религия дает отнюдь не каждому; в сущности, обычно она подобных исследований не поощряет. Но именно это она сделала для меня.

Ни одна жизнь в конечном итоге не в состоянии избежать столкновения с реальностью смерти, но особенно трудно избежать его на стезе, связанной с религией. Посвященным в духовный сан в нашем обществе уготована роль толкователей смерти – им предстоит наставлять; заботиться о душах; иметь дело с диагнозами, возвещающими неминуемую кончину; утешать; исследовать несообразность и противоречивость смерти; проводить панихиды и возглашать на них проповеди. Возможно, служители Церкви втайне надеются на то, что им удастся поладить со смертью, укрывшись в святилище благочестивых слов и тщательно выверенных традиционных ответов.

И все же нам, священникам, в жизни не предвидеть тех способов, которыми смерть способна выманить нас из укрытия. Даже заупокойные службы вовлекают нас в диалог с неверующим миром в гораздо большей мере, чем мы некогда могли себе представить. В жизни все взаимосвязано, и люди, пришедшие на панихиду, не обязательно будут верующими. Они идут проститься с покойным или поддержать в горе близких. Нет, не стройные ряды верных заполняют церковные скамьи во время панихид – а «перекрестная выборка» нашего общества. На похороны приходят приверженцы разных религиозных традиций и те, кто вообще не имеет таковых; многие находятся на разных стадиях собственного духовного развития. Священники быстро обнаруживают, что традиционные религиозные слова утешения из прошлого не находят отклика у многих присутствующих на панихидах.

Недавно это проявилось в Вашингтоне, округ Колумбия, на похоронах одного из наиболее известных и популярных тележурналистов Америки[2]. Журналист этот был деятельным католиком, и панихиду по нему, заупокойную мессу, совершал недавно ушедший на покой кардинал-архиепископ Вашингтонский. Когда подошло время причастия, стало ясно, что у алтаря ждут далеко не всех – пригласили только католиков. Эта резкая нотка из нашего племенного религиозного прошлого вызвала широкое недовольство среди скорбящих: среди них было немало знаменитостей и медиа-персон, явно не имевших отношения к католичеству, а иногда и к религии в целом. Дружба с покойным и некий внутренний порыв, который, по-видимому, проявляется у нас, когда смерть рядом, заставили их презреть правила и принять Святые Дары. Католическая Лига осудила их поименно; это порицание подхватили газеты и национальный католический еженедельник *America*. Получивших причастие у католического алтаря обвиняли в «религиозной бесчувственности к католическим ценностям» и в том, что они проявили «непочтительность к обрядам католичества»[3]. Похороны часто оказываются слишком публичным и эмоциональным событием, чтобы удовлетворять потребность в утешении тех, кто придерживается определенных верований. Месса, созданная под ментальность религиозного гетто, отнюдь не близка тем, кто живет за пределами этого гетто. Тем, кто бежит от реальности в религию, почти негде укрыться. Впрочем, многие пытаются до сих пор.

За жизнь я провел более тысячи панихид. Впечатления от них неизгладимы; и не представить, сколько их я помню. Первую я служил в 1955 году в Епископальной церкви Христа в Роли, штат Северная Каролина. Мне было всего двадцать четыре, и я до сих пор пребывал в чине диакона. Усопшую звали Нелла Граймс Уорд. Ей было восемьдесят два. Нелла приходилась родственницей прихожанам церкви, в которой только началось мое служение. Перед ее смертью я несколько раз ее навещал, и мне понравилось с ней общаться. Она принадлежала к тому поколению, когда визит особы духовного звания считался почетным, и ей было лестно мое внимание. Это обстоятельство и тот факт, что я олицетворял религиозную жизнь широкого круга ее родных, побудило ее семью пригласить меня «в сослужение» моему старшему коллеге, священнику Стивену Вальке. Помню, я ужасно стеснялся и все гадал, как воспримут мои слова те, кто пришел отдать покойной дань памяти и оплакать ее. Теперь я понимаю, что многие на той панихиде, скорее всего, так часто слышали мессу, что слова их просто не задевали и забылись уже через пять минут. Наверное, было бы любопытно тогда побеседовать с ними и проверить правильность такой оценки.

Две последние панихиды я служил по тем, кого указал последними в списке людей, которым посвящаю эту книгу. Розанна Эппс, яркая, полная сил, впала в кому в результате инсульта, когда ей было восемьдесят пять, и умерла. Ее долгая жизнь была достойна всяческих похвал. Джон Найт умер в сорок с небольшим, совершенно внезапно, оставив в безутешной скорби жену, детей и родителей. И мучительно явным стало то, что **шаблонные утешения не могут утешить в подлинном горе. Они и впрямь звучат как то, чем являются, – как религиозный наркоз, призванный притупить боль**. От моей первой панихиды до последних, на пути, занявшем пятьдесят два года, я обнаружил, что подходил к каждой смерти словно аналитик – наблюдал, размышлял, сомневался, задавался вопросами и невольно вслушивался как в разговоры людей, так и в слова, возглашаемые проповедниками на мессе, и думал о том, как те и другие вписываются в реалии момента и способствуют их толкованию. И я понял, что слова, звучащие на панихиде, как мои собственные, так и произносимые согласно чину мессы, не всегда проливают свет на боль скорбящих.

---

[2] Этим тележурналистом был Тим Рассерт из NBC.

[3] Споры разгорелись вокруг Салли Куинн, известной в СМИ (и супруги Бена Брэдли, издателя *The Washington Post* во времена Уотергейтского скандала). Свой путь в религии Салли начала с межконфессиональных армейских часовен. Сегодня она – исследователь религии и не привержена ни одной из конфессий.

Провожая людей в последний путь, я также убедился в том, как скупо ведутся разговоры о смерти в любом контексте. Большинство людей чувствует себя неуютно, обсуждая подобные темы, что само по себе показательно. Почти все люди охотно перепоручают «смертные разговоры» кому-нибудь из «профессионалов»: священники, врачи, гробовщики. Это всякий раз удивляло меня, ибо я, представитель одной из этих трех профессий, чувствовал себя совершенно некомпетентным. Однако я выяснил, что самого факта моих частых столкновений со смертью в представлении этих людей оказывалось достаточно, чтобы наделить меня опытом, отсутствующим у них самих. И я узнал, что в их глазах представлял собой нечто гораздо более важное, чем все, что я говорил или делал, и даже более важное, чем то, кем был и что думал. Когда узнаешь, что твое служение носит глубоко символический характер и, в сущности, не имеет отношения ни к тебе, ни к твоим свершениям – да, это смиряет.

В прискорбных обстоятельствах моя задача зачастую заключалась только в том, чтобы помочь тем, кто понес тяжкую утрату, принять решения, которые они вполне могли бы принять самостоятельно, если бы не были парализованы горем. Благодаря знакомству с типичными циклами смерти, я мог заверить их, что постепенно они преодолеют последствия травмы и со временем снова почувствуют свою целостность. Однако горе, пережитое вместе, почти неизбежно сближает, способствует формированию глубоких воспоминаний и прочных дружеских отношений. Нам свойственно сближаться с теми, с кем нам выпала честь пройти «долиною смертной тени». Эти моменты стали одними из самых эмоционально насыщенных в моей жизни, в первую очередь им я обязан неразрывной связью и пересечениями моей профессиональной и моей личной жизни.

Будучи постоянно причастным к смерти, я обратил внимание на два постоянных мотива. Во-первых, смерть – влиятельная и мучительная реальность, почти непрестанно витающая над жизнью либо в памяти, либо в ожидании; во-вторых, слова, которыми пользуются религии, в том числе моя, весьма специфическим образом предназначены для того, чтобы укротить смерть, приручить ее, преобразить и в конце концов ее превзойти. Следовательно, смерть должна поднимать самые глубинные, сокровенные и тревожные вопросы, с какими только людям приходится иметь дело. Я выбрал путь, на котором эти вопросы неизбежны, поскольку испытываю настоятельную внутреннюю потребность работать там, где приходится задавать вопросы о смысле, цели, трансцендентности и Боге. В некотором отношении мне хотелось посмотреть, способен ли я быть и честным человеком, и выразителем мнения организованной религии – по крайней мере, я намеревался жить осознанно в этой противоречивой ситуации. Так что танец со смертью я уже вел, но тем более глубокую радость испытывал от жизни. Первым моим выводом стал такой: ни смерть, ни жизнь не имеют особого смысла друг без друга.

У меня чрезмерно активно левое полушарие мозга и недостаточно активно правое, а потому смерть всегда казалась мне предметом, подлежащим интеллектуальному освоению, и я намеревался именно так с ним и поступить. Эти намерения побудили меня еще двадцать пять лет назад принять безусловно поспешное решение. В то время я решил, что напишу книгу – в порыве юношеской самонадеянности я даже называл ее «исчерпывающим трудом», – о смерти и жизни после смерти. К этой задаче я приступил, демонстрируя высокий уровень интеллектуального рвения. Около двух-трех лет я посвятил работе над этим проектом и обширному чтению.

Вначале я исследовал представления о жизни после смерти в том виде, в котором они отражены в иудаистских священных текстах. И с удивлением обнаружил, насколько скуден этот материал. Моих еврейских предшественников в вере настолько заботила *эта* жизнь, что им было некогда тратить силы, фантазируя о жизни после смерти. В древнееврейской истории встречаются упоминания о так называемом шеоле – обители всех мертвых. В представлении людей он располагался где-то под землей. Но шеол никогда не был ни местом стремлений, ни предвиденной участью. В одном библейском повествовании Аэндорская волшебница, медиум,

вызывает из шеола тень пророка Самуила по приказу обеспокоенного царя Саула (1 Цар., гл. 28). Самуил пребывал в шеоле, ибо был мертв, а шеол представлял собой обитель *всех* мертвых, – но ни с шеолом как таковым, ни с жизнью после смерти, образом которой он являлся, в иудаистских писаниях не связано ни обязательств, ни надежды, ни утешения, ни радости. Лишь во II в. до н. э. жизнь личности после смерти в связи с честью и наградой стала играть более заметную роль в жизни евреев. И когда это произошло, строилось все в основном на идее божественной справедливости. Евреи просто не смогли воспринять сюжеты тех же Маккавейских книг (см.: 2 Мак., гл. 7), где еврейские юноши во время гонений принимают смерть мучеников, лишь бы не отречься от веры, – если бы с их смертью не было связано некое искупительное свойство: например, вознаграждение за преданность вере в загробной жизни. Это понимание оказалось полезным, но мало чем прояснило мою писательскую задачу. И я продолжал изыскания, ничуть не озабоченный вполне реальным риском не прийти ни к чему. Расширение познаний не обязательно ведет к выводам.

Потом я принялся штудировать учения Нового Завета о жизни после смерти – только чтобы обнаружить, что между его многочисленными авторами нет согласия. Павел недвусмысленно утверждал, что «жизнь во Христе» вечна, а жизнь вне Христа просто заканчивается смертью. Рай у Павла носит неопределенный характер, а ада в его писаниях нет вообще. Наказание вечным пламенем, с которым связаны традиционные представления о преисподней, – преимущественно дар Матфея с весьма щедрым добавлением книги Откровения. Долина Еннома, впервые упомянутая в иудейских писаниях в книге Иисуса Навина (Нав. 15:8; 18:16) – отведенная под мусорную свалку а потому там постоянно полыхали костры, – у Матфея стала геенной огненной. Затем Матфей и другие религиозные лидеры раздували пламя геенны до тех пор, пока оно не стало символом карающего гнева Божия. Так родилась пылающая адская бездна. С другой стороны, четвертое Евангелие приравнивает вечную жизнь к «познанию Христа» или «вере в Христа» (Ин. 6:47, 17:3). Рай у Иоанна – это скорее качество жизни, нежели количество дней. Многообразие идей Нового Завета по столь важному вопросу заинтриговало меня, но эти знания опять-таки не способствовали моей писательской задаче.

Безусловно, воскресение занимает центральное место в евангельском изображении Иисуса, однако я обнаружил, что даже этот вопрос трактуется весьма широко и разнообразно и Павлом, и авторами Евангелий. Более ранние авторы Нового Завета говорят о воскресении как деянии Божием, делая из него событие вне времени и пространства. В пространстве и времени можно ощутить лишь его *проявления, а* не *суть.* Более поздние авторы Нового Завета говорят о воскресении как о чем-то, что совершил Иисус в определенный момент и в определенном месте, и именно потому свидетели могли увидеть и описать это событие. В самом раннем из Евангелий нет рассказа о том, как воскресший Христос явился кому-либо. Марк представляет читателям лишь пустой гроб, объявление о воскресении и обещание будущего [4].

Матфей, пишущий через десять лет после Марка, весьма неоднозначен в том, что касается смысла воскресения. Он подправляет рассказ Марка о женщинах, явившихся в сад на рассвете первого дня недели, и позволяет им увидеть воскресшего Христа во плоти, в чем особенно отказал им Марк (ср.: Мк. 16:1–8 и Мф. 28:1-10). Но когда Матфей ведет речь о том, как воскрешенный Христос является своим ученикам в Галилее, он говорит отнюдь не о воскрешенном теле, а о преображенном божественном существе, сошедшем с небес (Мф. 28:16–20). Только Лука, а после него – Иоанн обратили воскресение Иисуса в прямом смысле в телесное оживление (см.: Лк., гл. 24 и Ин., гл. 20). Если сопоставить эти данные, станет ясно, что Новому Завету недостает последовательности даже в таких главнейших моментах христи-

[4] Евангелие от Марка обрывается так внезапно, без каких бы то ни было рассказов о воскресении и явлении Христа, что для него написали несколько новых окончаний. В Американском исправленном издании и Новом исправленном издании Нового Завета приводятся оба предложенных финала в виде сносок, известные как «короткое окончание» и «длинное окончание». Однако совершенно ясно, что ни одно из них не входило в подлинный корпус текстов Евангелия от Марка.

анской традиции, как воскресение Иисуса. Узнавать все это было интересно, однако приобретенные знания опять ни к чему не привели.

Затем исследования побудили меня к поиску смысла смерти и жизни после смерти в других великих мировых религиях. Было бы неправильно называть мои исследования всесторонними или исчерпывающими, однако они заняли почти год моей жизни. Я читал буддистскую «Тибетскую книгу мертвых» и индуистскую «Бхагавадгиту». Я изучал вопросы, связанные с реинкарнацией. Мне казалось, основное назначение реинкарнации – ответ на вопрос о справедливости, тот же самый, ответ на который на Западе дают рай и ад. И то и другое имеет отношение к вознаграждению и наказанию, то есть призвано управлять поведением в этой жизни, а не просвещать нас насчет природы вечности. Все представления о загробной жизни как месте получения награды за добродетели или наказания за грехи должны были утратить для меня всякий смысл, прежде чем я мог углубиться в суть этого вопроса. Они утратили, а я углубился, – но только много лет спустя.

Наконец я занялся анализом более современных трудов так называемых «парапсихологов». Я даже участвовал вместе с другими преподавателями в конференции с несколькими подобными специалистами в Джорджтаунском университете в начале 80-х годов XX века. Эта конференция была проведена стараниями Клейборна Пелла, покойного сенатора-демократа от Род-Айленда, более известного «грантами Пелла», носящими его имя. Мне представилась возможность не только послушать лекции участников конференции, но и подолгу беседовать с ними лично. На этом этапе исследований я побродил по стране «внетелесного опыта» или «околосмертных переживаний». Я прочитал немало публикаций в этом литературном жанре, в котором, как утверждают авторы, они задокументировали случаи смерти и возвращения из мертвых в то же тело после того, как люди отправляли некие послания или завершали другие посмертные приключения. Мне известно, как мы все жаждем получить весточку от любимых, ушедших из этой жизни, и потому я выслушивал подобные рассказы с вниманием и сочувствием. Но я поймал себя на том, что скептицизма в моем отношении больше, чем убежденности. Тем не менее я продолжал идти тем же путем, поскольку считал, что должен изучить каждое подобное утверждение, какими бы странными, а иногда и дикими ни казались некоторые из них лично мне.

Все эти исследования принесли огромную пользу мне самому, но ни одно не привело меня к документально подтвержденным данным, способным стать основой книги. Я не мог сузить тему до того, о чем был в состоянии написать. Каждое новое озарение как будто открывало разные двери, в которые мне требовалось войти, и знакомило меня с новыми идеями, которые обязательно надо было исследовать. В итоге план книги никак не вырисовывался. Наконец я в досаде бросил этот проект и занялся вопросами, по которым мне было что написать. И считал, что к этой теме уже не вернусь никогда.

В этот период моей жизни я написал свои, несомненно, самые оригинальные книги, что убедило меня в правильности принятого решения бросить тот самый проект. Все эти книги служили делу перевода библейского опыта и богословских понятий на язык нашего времени и места в истории. Когда я написал автобиографию *Here I Stand: My Struggle for a Christianity of Integrity, Love and Equality* («На том стою: моя борьба за христианство цельности, любви и равенства»), публикация которой, по замыслу, должна была совпасть с моим уходом на покой, я решил, что период моей работы над книгами завершен. Затем, по прошествии нескольких лет после ухода с поста епископа, я стал преподавателем на полную ставку и даже публиковал еженедельную колонку. Этот карьерный сдвиг привел к тому что в 2003 году я подписал с моим издателем новый, вроде как последний контракт. Он предусматривал написание трех книг за пять лет, начиная с 2004 года, чем, видимо, и должна была завершиться моя писательская деятельность. Идея первой из этих книг родилась у моего издателя. Книга вышла в 2005 году под названием *The Sins of Scripture: Exposing the Bible's Texts of Hate to Reveal the God of*

Love («Грехи Священного Писания: обнажение ненависти в библейских текстах ради обретения Бога любви»). Вторая стала выражением моей страсти к подведению итогов богословского пути, по которому я так долго шел. Она вышла в 2007 году и называлась *Jesus for the Non-Religious: Recovering the Divine at the Heart of the Human* («Иисус для неверующих: возвращение божественного в сердце человека»). А потом пришло время принимать решение относительно темы книги, которая должна была стать для меня последней.

Именно чувство незавершенности, по-прежнему не дававшее мне покоя из-за незаконченного труда о смерти и о жизни после смерти, побудило меня вернуться к этой теме в последней из моих книг. К тому времени **я заметно постарел и стал гораздо спокойнее и уравновешеннее относиться к тому, кто я есть, и к приближению неизбежной остановки моих биологических часов – опыту, с которым все мы сталкиваемся в завершении жизни.** Все эти факторы вызвали у меня желание пересмотреть все тот же вопрос, и я избрал его темой книги, поставив целью опубликовать ее в 2009 году.

И я вернулся к исследованиям. Я читал работы о жизни после смерти всех видных западных теологов XVIII, XIX и XX веков. Почти все они практически ничем не помогли мне. Только книгам *In the End, God* («В конце, Господи») Джона А. Т. Робинсона и *Death and Life* («Смерть и жизнь») Гельмута Телике я обязан новыми озарениями. Большинство авторов таких трудов писали их, опираясь на фундамент мировоззрения, которое я уже не разделял, следовательно, их книги мало что значили для меня или не значили ничего. Да, их авторы были светилами своего времени, но исходили из предположений, которыми я уже не мог воспользоваться. Благодаря этому я понял, какой большой путь и насколько быстро проходит богословский мир. Я даже перечитал заново такую классику, как «Сумма теологии» Фомы Аквинского и «Наставление в христианской вере» Жана Кальвина. Но даже эти шедевры христианской истории вызывали ощущение, будто бы их авторы и я жили на разных планетах. Затем я начал читать литературу по развитию мозга и человеческому сознанию, и наконец вдалеке слабо забрезжил свет.

На этом этапе процесса я также начал участвовать в дискуссиях, которые вели меня вперед совершенно иным путем. Я возобновил общение с давними друзьями Дэниелом и Жаком Грегори. Дэн – ученый-медик, Жак – медицинский работник, и оба они проявляли живой интерес к той же теме, но не с точки зрения традиционной религии. Почти сорока годами ранее мы с Дэном написали в соавторстве небольшую книгу, посвященную предсмертным решениям и озаглавленную *Life Approaches Death* («Жизнь близится к смерти»), которую издали частным образом в Ричмонде, Виргиния. В более поздние годы, совершенно независимо от меня, поскольку все это время мы главным образом обменивались рождественскими открытками, Дэн значительно продвинулся в исследовании происхождения жизни и значения жизни и сознания, что открыло перед ним новые горизонты. Об этом он сообщил мне в рождественской открытке, прочитав мою книгу *A New Christianity for a New World* («Новое христианство для Нового Света»). После этого он поделился со мной результатами своих исследований и записями. На день мы встретились в Пенсильвании и проговорили за обедом четыре часа. Он прислал мне и другие материалы, которые счел полезными[5]. Так был сделан значительный шаг по пути создания этой книги.

Еще один составляющий элемент книги также складывался годами в условиях, вероятно, самых важных для меня и длительных дружеских отношений с четой Макдауэлл, Чарлзом и Картер. Примечательно, что Чарлз – доктор медицины, ныне отошедший от частной практики, и ортопед, специализирующийся на хирургии кисти. Картер – одна из самых эрудированных

[5] В частности, я имею в виду лекции, прочитанные в Оксфордском университете, Великобритания, Дэниелом Н. Робинсоном и опубликованные *Teaching Company.* Название этого курса – "Consciousness and Its Implications" («Сознание и то, что оно подразумевает»). Подробнее см. библиографию.

женщин среди моих знакомых, и особый интерес для нее представляют столь разные предметы, как теология и городское планирование. В ее представлении они взаимосвязаны, поскольку оба имеют отношение к поискам смысла жизни. За долгие годы мы с Макдауэллами часто говорили о смерти, о том, есть ли что-нибудь после нее, особенно после того, как и у Чарлза, и у Картер умерли матери. Картер и Чарлз всегда относились скептически к любым предположениям о существовании другой жизни после нынешней и даже отмахивались от них. Они оспаривали каждую мою мысль по этому предмету, но никто из нас не прекращал его обсуждения. Так что наши разговоры продолжались. Ни Чарлз, ни Картер не приблизились к новым озарениям, а оба готовы признать, что такие озарения могут свидетельствовать о чем-то, существующем в действительности; однако они настаивают, что жизнь после смерти, чтобы иметь какой-то смысл, должна представляться логичной их изощренному разуму XXI века. Чарлз и Картер увлекли меня, мой текст во многом отражает разговоры, которые я вел с ними.

Последний составляющий элемент, который понадобился мне, чтобы написать эту книгу, обеспечили мне два очень близких друга: пока велась работа над рукописью, оба они были живы, несмотря на страшные диагнозы. Я обращался к ним за помощью. Первым из этих друзей был Милтон Рис Лерой, служитель Епископальной церкви, архидиакон и мой бывший коллега, ближе к концу жизни обретший смысл не в Епископальной церкви, а в традиции квакеров. Вторым – Оуэн Доулинг, епископ англиканской церкви из Австралии, ушедший на покой. Оба они осознанно смотрели смерти в лицо. Ни один не дрогнул, оба согласились регулярно писать мне, шагая навстречу своей смерти и самостоятельно облекая в слова свои мысли, страхи и наблюдения, объясняя мне, что помогает им участвовать в процессе умирания, а что нет. Я дорожу их письмами и сведениями, они оказали мне неоценимую помощь.

Несмотря на всю подготовительную работу и содействие, я то и дело оказывался в тупиках, которые казались мне безвыходными. И пытался понять, почему это происходит. Одна мысль всплывала постоянно: единственный язык, которым я должен пользоваться в этой книге, – язык времени и пространства. Но предмет, который я собирался рассмотреть, со временем и пространством не связан. Следовательно, я пытался описать состояние, в которое не вошел и о котором не имею сведений, полученных из личного опыта. А оценить эти сведения я не могу: в мире, где я живу, невозможно осмыслить опыт, находящийся за его пределами. Еще меня все время преследовала мысль, что область за пределами этой жизни, которой я пытаюсь дать определение, на самом деле не реальна, а рождена моим воображением, подкрепленным влиянием обширных культурных факторов. Возможно, именно поэтому я так и не пришел к окончательным выводам. Моя беда заключалась в том, что я либо не мог, либо не хотел сталкиваться с подобными ограничениями. После того как моя вторая попытка рассмотреть все тот же вопрос ни к чему не привела, у меня возникли подозрения, что лишь человек, начисто оторванный от действительности, способен предпринять попытку писать о том, для чего нет ни языка, ни эмпирических данных. Никогда не забуду реакцию моего друга Малколма Уорнока, когда я в последний раз с ним ужинал. Ему было сто два года. Он всегда поддерживал меня в вечном стремлении к истине, но, когда я рассказал ему об этой книге и о своем желании написать о жизни после смерти, он расхохотался. «В жизни не слышал такой глупости, – сказал он. – Об этом не знает никто. И никогда не узнает». От этих слов я вздрогнул, как от удара, но начал подозревать, что Малколм, возможно, прав.

Я уже собирался бросить этот проект во второй и последний раз, несмотря на все исследования и подробные заметки, сделанные в период чтения, и несмотря на неотступно гложущее меня ощущение, что во всем этом что-то есть, но я просто не знаю, как к нему подступиться. А потом, как часто бывает в сфере интуиции, простого слова оказалось достаточно, чтобы вернуть меня на путь истинный. В 2007 году, за вторым завтраком в Сан-Франциско в компании моего издателя Марка Таубера, редактора Микки Модлина и моей жены Кристины, я поделился с остальными своей досадой, раздражением и растущим желанием забросить этот

проект, и едва ли не резко бросил: «Я знаю лишь один способ написать эту книгу! Она должна быть личной. Но автобиографию-то я издал! Представить себе не могу, что читатели с радостью примут вторую!» И мне ответил Микки Модлин, тихо и деловито: «Тогда опишите нам свою личную драму». Вот так и родилась эта идея. Автобиография была повествованием о моей внешней жизни. А новой книге предстояло стать повествованием внутренним, если угодно, «духовными мемуарами». Тот разговор положил конец творческому кризису, мысли сдвинулись с мертвой точки, и эта книга смогла появиться на свет. Я благодарен и Марку, и Микки. Именно благодаря беседе с ними мой труд приобрел в высшей степени личный характер. Надеюсь, по мере раскрытия моей душевной драмы читатели соотнесут с ней свои истории, и эта книга в какой-то мере начнет повествовать и о них. А еще надеюсь, что я, обратив взгляд в свой внутренний мир в поиске подсказок и указаний, тем самым покажу, что **к реальности можно подходить по-разному и что нельзя сковывать ее ограничениями нашего собственного восприятия.**

Так позвольте, мои дорогие читатели, привести первое заключение в этой вступительной главе. Если бы мне пришлось отвечать на вопрос легендарного Иова, прозвучавший в Библии много столетий тому назад (Иов 14:14), я готов. Иов вопрошал: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» Мой ответ – «да!» А теперь разрешите провести вас моей дорогой. Она увела меня за пределы религии и даже традиционного христианства, но вместе с тем дала мне возможность по-новому взглянуть на вечность и привела в тот край, где мое «да!» звучит уверенно и честно.

Покойся с миром:
Оуэн Доулинг

Живи уверенно:
Милтон Рис Лерой[6]

[6] Милтон Лерой, еще один мой корреспондент по вопросам смерти и умирания, на удивление воспрянул духом и вернулся к жизни. Мы с женой ездили к нему в Бриджуотер, Виргиния, в ноябре 2007 года, чтобы попрощаться. Он сам не верил, что доживет до Дня благодарения. Мы побеседовали обстоятельно, как всегда, именно тогда я и предложил ему вести хроники своего опыта, связанного с умиранием, в регулярных письмах ко мне. Однако он продержался и День благодарения, и Рождество, и Пасху, и летом 2008 года мы снова навестили его – на сей раз с черновиком этой книги. Мы подробно обсудили ее. В сочельник 2008 года мы побывали у него еще раз, и он выглядел так бодро, каким я не видел его уже много лет. Поэтому он не упомянут под словами «Покойся с миром». Милтону я говорю: «Живи уверенно!»

2. Жизнь – случайность

Нельзя отказаться от того, чего не знаешь.
Чтобы превзойти себя, надо себя познать[7].
Шри Нисаргадатта Махарадж

Где начнется наше путешествие? Как облечь в слова то, что находится за пределами человеческого опыта? Люди тысячелетиями пользовались религиозными уверениями, скрывая недостаток знаний даже от нас самих. Что гласят все эти утешительные, но туманные заверения о жизни после смерти? Обмануть себя всегда легко. Однако что-то, пусть даже всего лишь наши страхи, притягивает нас к этой теме, поэтому нам следует сперва определиться с законной начальной точкой. К примеру, я могу начать только с того, что действительно знаю. Пуститься в сложное путешествие по сфере, которая, возможно, находится *за пределами* нынешней жизни, я могу лишь углубившись в *нынешнюю* жизнь, в то, что происходит здесь и сейчас. Рассматривать смерть и ее значения я не могу иначе, кроме как с позиций того, кто жив. И о божественном я могу рассуждать лишь с точки зрения человека. Поэтому отправным пунктом для меня является утверждение, что я жив; я – живое существо. Это утверждение, однако, представляет собой гораздо более сложную и таинственную реальность, чем большинство людей дают себе труд задуматься или хотя бы вообразить.

В природе множество живых существ, но осознания того, что живы, они не проявляют. **Если живое существо понятия не имеет о том, что живет, значит, можно с полным правом утверждать: оно не знает, что умрет.** Мы, люди, знаем, что умрем, и этот факт поразителен. Он означает не только то, что мы знаем, что живы, но и то, что мы наверняка задумываемся о том, что значит жизнь, что значит смерть и есть ли в том или в другом какие-либо цель или смысл. И само по себе знание – я жив! – проникнуто чудом и тайной. Именно этот факт позволяет мне задаваться вопросами – почему я жив? Что значит «быть живым»? Что значит знать, что я жив?

За последние века человеческие познания расширились в бесчисленных направлениях. Мы раскрываем тайны прошлого и находим объяснения тому, над чем наши предшественники бились тысячелетиями. Мы знаем, чем вызваны гром и молния, почему в океане бывают приливы и отливы. Знаем о микробах и вирусах, о врожденных пороках и о синдроме Дауна. Мы даже можем в некоторой степени постичь бесконечность Вселенной и относительную пустоту космоса. Но несмотря на эти колоссальные достижения, на вопрос о том, каким образом жизнь возникла из безжизненной, инертной материи, еще только предстоит ответить. Существует множество теорий, одна из которых когда-нибудь может подтвердиться, а пока продолжаются поиски и кипят дебаты.

Чем определяется жизнь, что считается живым существом? В числе различных попыток ответить на этот вопрос – общепринятое соглашение о том, что способность к тому или иному способу самовоспроизведения является необходимым условием, чтобы нечто считалось живым. Камень не может вызвать появление на свет другого камня, поэтому он не считается живым, по крайней мере с точки зрения биологии. Если расколоть один камень надвое, это удвоение не означает увеличения абсолютного количества камней – только деление инертной материи. Однако любые живые создания, будь то отдельно взятые клетки, сорняки, вековые дубы, насекомые, птицы или высокоразвитые животные, способны производить себе подобных. Это и есть основное свойство живого с точки зрения биологии.

[7] Цит. по: *Book of Runes,* ed. Ralph Blum, p. 44 («Книга рун» / под ред. Ральфа Блума). Подробнее см. библиографию.

С живыми существами неизменно связана взаимозависимость. Она лежит в самой их основе. Без растений не быть и животным, и наоборот. Эта взаимозависимость просматривается на самом низшем из уровней. Первые живые клетки выработали кислород, что, в свою очередь, сделало возможным появление всей будущей жизни. Изначально в атмосфере Земли не было кислорода – он стал даром от всего живого. В прямом смысле слова миллиарды лет первые одиночные клетки закачивали кислород в земную атмосферу, положив начало процессу, благодаря которому в настоящее время мы можем утверждать, что кислород составляет примерно 20 % атмосферы планеты Земля и его доля продолжает расти. Так что хоть выражение «жизнь возможна лишь потому, что она есть» выглядит обтекаемым и противоречивым, тем не менее это правда. Таким образом, наша точка «альфа» – это утверждение: мне известно, что я жив, и мне настоятельно необходимо охватить все, что это означает. Отсюда я и начну путь по жизни к точке «омега». И никакой разговор о жизни после смерти не может начинаться как-либо иначе.

Французский философ XVII в. Рене Декарт, которого иногда называют «первым модернистом», считал, что мог быть уверенным в своем существовании, когда обобщил все знания в виде принципа, который назвал непреложным и выразил знаменитой фразой *cogito ergo sum* – «Мыслю, следовательно, существую». Однако я хочу начать свое исследование жизни с гораздо более примитивных основ, нежели декартовы, так как жизнь явно намного старше «мышления», по крайней мере мышления в понимании Декарта. И действительно, жизнь разительно отличается от просто мышления. Опыт жизни я начал приобретать задолго до опыта мышления, или бытия, или даже языка, на котором мыслю. И первым шагом для меня стал поиск ответа на вопрос: что означает знать, что я жив? И в чем я вижу смысл слова «я»? Что делает того, кто может сказать о себе «я», уникальным существом?

Если *источник* жизни по-прежнему остается в области неизведанного, достижения науки ясно показали, что каждый отдельно взятый образец жизни – непредвиденная и непредсказуемая случайность. Я сам вполне подпадаю под определение «случайного человеческого существа». Это заведомо не тот подход к жизни, который свойствен религиозному мышлению, а тот, которому учит нас биология. Я – вовсе не плод чьего-то замысла, и никакой предмет или существо не создавали меня намеренно. Я – порождение бесконечных законов вероятности, без какой-либо явной или очевидной цели. Да, веселого мало: мы ведь склонны развивать в себе чувство значимости и ощущение цели, которые не согласуются с истиной о нашей вероятностной и случайной природе. Однако факты не оставляют никаких сомнений в том, что сущность нашей жизни именно случайна. Шансами пронизаны все ее уровни – и «микро», и «макро».

В макромире эта случайность проявилась в том, что еще задолго до моего зачатия, не менее шестидесяти пяти миллионов лет назад, случился катаклизм, о конкретном характере которого до сих пор ведутся споры. Лидирует гипотеза, согласно которой нашу планету постигло столкновение с гигантской кометой, облако пыли и осколков от которой совершенно изменило климат и, возможно, на какой-то период – даже орбиту Земли. Каким бы ни было это событие, оно нарушило весь привычный уклад жизни на планете, вызвало вымирание динозавров и навсегда лишило рептилий господствующего положения. Но исчезновение одних форм жизни неизменно создает возможности для других. Таков закон природы. В данном случае новые перспективы открылись перед млекопитающими – единственными, кто был к тому готов. Никто не планировал этот катаклизм. Он просто произошел. **Нам надо сжиться с тем фактом, что появление человеческих существ, как одного из видов млекопитающих, стало возможным благодаря случайному столкновению**, хотя эта возможность была неявной и ничто, казалось, ее в то время не предвещало. Глядя на нашего древнейшего млекопитающего предка, населявшего травянистые равнины современной Восточной Африки и похожего на пушистую мышку, трудно предсказать возвышение вида *Homo sapiens,* и тем не

менее мы – прямые потомки этого существа. Таковы факты, заставляющие нас признать, что именно это случайное столкновение, произошедшее миллионы лет назад, сделало возможной и вашу, и мою жизнь. **Мы – порождение случая.**

Случайный характер жизни проявляется и в микромире. Шанс сработал в момент моего зачатия, с началом моего бытия. Теперь я знаю (а в то время не знал, поскольку не знал ничего), что я – результат случайного слияния одной живой клетки, называемой сперматозоидом, от моего отца, с другой живой клеткой – одиночной, весьма недолговечной яйцеклеткой, – от моей матери. Ни у сперматозоида, ни у яйцеклетки не было реальных надежд на жизнь, пока они не соединились. У меня есть все основания верить, что союз моих отца и матери, благодаря которому встретились его сперматозоид и ее яйцеклетка, был заключен по любви. Вместе с тем мне известно, что за весь их брак всего три их соития привели к появлению новой жизни, поэтому даже эти три успешных случая были сопряжены с вероятностью, и ее коэффициент оказался высоким. А еще очевидно то, что множество новых жизней зарождаются без всякой любви, так что, несмотря на всю ее ценность, для появления жизни она необязательна.

Позвольте мне пояснить. Никакая божественная сила не направляла и не замышляла слияние конкретного сперматозоида с конкретной яйцеклеткой. Оно – просто случайность. При каждой эякуляции мой отец выделял миллионы сперматозоидов. Каждый из них нес в себе генетический код. Моя мать вырабатывала приблизительно одну яйцеклетку за менструальный цикл, или же примерно 425–450 яйцеклеток за жизнь. Всего одна из них стала мною. Никакой высшей цели не было в том, что конкретный сперматозоид проник в конкретную яйцеклетку, в результате чего образовалась оплодотворенная яйцеклетка – зигота. И для сперматозоида, и для яйцеклетки это было дело случая, и только. По-видимому, такова вечная сущность жизни.

Тем не менее странным, но ключевым образом это оплодотворение, произошедшее во мраке утробы моей матери, неизбежно определило меня и мою индивидуальность во множестве отношений. Оно задало реальные рамки относительно того, кем я был и каким мог стать. Обусловило характер моего будущего «я». Сам я ничего здесь не выбирал. Никакого влияния на все это я не оказывал, и, конечно, не имел возможности именно в тот момент думать о своем зачатии. Я – результат случая. То же самое справедливо для любого другого живого существа, как человека, так и животного и растения. Согласно законам природы, все живое порождено шансом. Именно так начинается жизнь.

В этом слиянии конкретного сперматозоида и конкретной яйцеклетки во многом была заложена моя индивидуальность. К примеру, таким образом определился мой пол – мужской. Сперматозоид, породивший меня, имел Y-хромосому поэтому я оказался мальчиком. Опять-таки выбора в этом вопросе у меня не было, а шансов стать мальчиком или девочкой – пятьдесят на пятьдесят. Определился также общий вид моего тела: мой потенциальный рост, окончательная форма головы и торса, цвет кожи, глаз и волос. В своей сознательной жизни я действительно обладаю некоторой, но ни в коем случае не полноценной способностью варьировать некоторые, но не все из перечисленных факторов. Даже эти небольшие вариации ограничены строгими рамками. Да, я могу похудеть или набрать вес, укрепить здоровье или загубить его, – в зависимости от моих привычек в еде, уровня потребленных калорий, готовности к регулярным физическим нагрузкам и нормальному режиму сна. Тем не менее все мы запрограммированы на генетическом уровне в гораздо большей степени, чем многие могут вообразить. Я не могу превысить рост, заложенный в генах, полученных от матери и отца, и возможности, определенные взаимодействием этих генов. Не могу превысить потенциал моего IQ – коэффициента умственного развития. Не могу изменить какие-либо данности жизни, в том числе, как показали исследования, мою сексуальную ориентацию.

В момент моего зачатия затикали биологические часы, приступив к неутомимому отсчету времени, оставшегося до моей смерти. Об этом я не подозревал, так как не имел мыслительных способностей, но абсолютный предел времени, которое я проживу на этой земле,

был заложен еще в момент случайной встречи сперматозоида и яйцеклетки. И потому смерть следует рассматривать и понимать как естественную, а не противоестественную часть жизненного цикла. Это данность, а не аномалия. Это не враг, которого надо побеждать или одолевать.

Были и другие, еще не перечисленные данности в процессе рождения, – строго говоря, не определенные генетически, но тем не менее со временем определившие мою жизнь и также неподвластные мне. К примеру, я не выбирал, в какой семье родиться. Я не имел права голоса в определении ее ценностей, вкусов, достижений в образовании или стандартов, в ее экономическом положении и даже в выборе болезней, к которым оказался генетически предрасположен. Я не мог выбирать методы лечения и оздоровления, которыми пользовались мои родители и которые могли повлиять на мое состояние еще до рождения, в период беременности, после чего я появился на свет. И я навечно связан с ними не только генетически, но и привычками, вкусами, образом жизни и положением. Даже если за свою жизнь мне, подобно многим, удалось выйти за пределы истоков, они останутся моими навеки.

Да, это тоже обидно, когда так холишь чувство собственной важности. Нам, людям, свойственно подавлять ту реальность, которая нам не нравится, и воспринимать как реальную некую иную версию истины. Но факт остается фактом: случайный характер каждой нашей жизни – не только данность. Это истина, которую невозможно отрицать.

Это стоит осознать чуть яснее, а потому позвольте поделиться еще одним соображением. Мой жизненный путь, как и путь любого другого человека, начался с существования в роли зависимого паразита. Я был прикреплен к своей матери тем, что на более поздних стадиях моего развития называлось пуповиной. Посредством этой в прямом смысле слова жизненной артерии я получал питательные вещества, кислород и все прочее, необходимое для моего выживания. Отходы жизнедеятельности моего организма поступали в плаценту, из которой их выводила кровеносная система матери. Я был ее частью. В начале своей жизни я не сознавал себя как нечто обособленное и, в сущности, вообще ничего не сознавал.

Таким образом, я прошел ряд определенных биологических стадий, не подозревая о них и никак не управляя ими. Я «шевелился» в утробе моей матери – по крайней мере, в елизаветинском английском таким словом («quickened») именовали новые явления, возникшие примерно в середине маминой беременности. Когда в христианских вероучениях говорится о «the quick and the dead» – это не «быстрый и мертвый», речь не о пешеходах Нью-Йорка: имеются в виду живые и мертвые. Эти признаки моей жизни мама ощутила как шевеления, именно тогда впервые осознав, что носит в себе другую жизнь, отличную от ее собственной и уже не подчиняющуюся ей. Так началась моя сепарация. Для осознания факта моего существования мне понадобилось гораздо больше времени, чем моей матери. А пока, если я и знал или мог испытывать что-либо, я по-прежнему оставался частью матери и занимал единственное пространство, о котором в то время имел представление.

Когда пришел срок маминому телу исторгнуть меня в огромный мир, о котором я заранее понятия не имел, я, подобно большинству младенцев, располагался, как положено, головой вперед, к родовым путям. Мне предстояло родиться нормально, а не с тазовым предлежанием, и это опять-таки определили силы природы, над которыми я был не властен, и насколько нам известно, тазовое предлежание не накладывает сколько-нибудь длительного отпечатка на тех, кто рождается подобным образом. Сокращения мышц маминой матки вытолкнули меня наружу. Уже в момент рождения я впервые столкнулся с некоторыми особенностями большого мира. Я осознал изменение температуры, муки голода, неудобства, когда я пачкался при осуществлении функций собственного организма, беспомощность и, возможно, в первую очередь, – чувства отделенности, обособленности и одиночества.

Ничто из перечисленного я не мог осмыслить, но все это мне пришлось терпеть. Известно, что роды тяжело даются матерям. Мы признаем это, описывая процесс деторожде-

ния такими словами, как «потуги» или «родовые муки». Но мы не догадываемся, что и для новорожденных появление на свет оказывается нелегким. Детей оно даже может травмировать.

Очень скоро, словно вознаграждая меня за перенесенную травму, мой рот поднесли к материнскому соску, и я снова почувствовал себя «единым». Я покоился у нее в руках, ощущал тепло ее тела, и это отчасти приглушало тревоги, вызванные нашим разделением.

Это событие было настолько близким к возвращению в матку, насколько это возможно, но я уверен: если бы мне дали право высказать свое мнение, я заявил бы, что хочу вернуться. Я определенно не имел ни малейшего представления о том, что значит быть «личностью», и не горел желанием это узнать. Безусловно, я не подозревал, что отныне таков мой постоянный статус и, следовательно, моя участь. У меня не было никакого понятия о том, насколько велик мир, в котором я только что очутился, и что в нем есть люди, не входящие в круг моей семьи. Можно сказать, я обладал первичным сознанием, но до обретения мной самосознания было еще довольно далеко.

Вот так я появился на планете Земля. Сильно ли отличается моя история от других? Разве не те же циклы повторялись миллиарды раз на протяжении всех наших дней?

Эрнст Геккель, немецкий ученый, в конце XIX века сформулировал принцип «онтогенез повторяет филогенез». Он утверждал, что эмбриональный период жизни человека воспроизводит все стадии эволюции живого существа – от единственной клетки до современной формы. И хотя в научных кругах сейчас отказались от этой идеи, мне бы хотелось предположить, что каждое человеческое существо действительно повторяет путь человечества: от первичного сознания – к самосознанию и мы на самом деле проживаем различные стадии развития человека и, подобно ему, в муках ведем поиски смысла. Поэтому для того, чтобы понять, что есть человеческая жизнь, нам надо обратиться к тому моменту, когда на этой планете возникла жизнь, наделенная самосознанием, и присмотреться к тому, как наши древнейшие предки осмысляли свою пробуждавшуюся осознанность.

Этот радикальный переход от первичного сознания к самосознанию состоялся, если мыслить в целом, не так давно. Так что теперь я ненадолго отвлекусь от моего собственного случайного жизненного пути и обращусь к истокам жизни человека как вида. Они тоже отмечены случайностью. Этапы этого долгого путешествия протяженностью в три миллиарда восемьсот миллионов лет (плюс-минус год-другой) от неодушевленных к одушевленным формам жизни, а затем – к первичному сознанию и дальше, к решающему шагу и обретению самосознания, очень похожи на процесс, которым ознаменовано сначала наше появление на свет, а затем – наш путь к осознанию себя самих. В этом отношении онтогенез действительно повторяет филогенез. Такой анализ достигает двух целей. Во-первых, он приводит нас к ошеломляющему и неуютному выводу о том, что мы отнюдь не так уникальны, как нам казалось; во-вторых, заставляет нас задаться вопросом: может ли существо, столь явно возникшее как результат действия случайных сил природы, хоть сколько-нибудь серьезно допускать возможность, что в нем есть нечто подлинно вечное? Наше путешествие к тайнам жизни и поиск ответа на вопрос Иова обретает новую актуальность. Возможно, этот способ начать его не слишком удобен, но необходим, а потому мы делаем наш первый шаг, и поиски продолжаются.

3. Хитросплетения нашей жизни

Я настолько остро ощущаю себя частицей всего живого, что меня ничуть не заботит начало или завершение конкретного существования любого отдельно взятого лица в этом вечном потоке[8].
Альберт Эйнштейн

По оценкам современных ученых, возраст Вселенной, в которой мы сейчас живем, составляет 13–14 миллиардов лет. Возраст планеты Земля, крошечной частицы этой Вселенной – 4–5 миллиардов лет. Однако живые существа появились на этой планете лишь через восемьсот миллионов лет после того, как возникла она сама. Человеческая жизнь (в зависимости от того, что под ней понимать) на планете зародилась в период от двух миллионов до ста тысяч лет тому назад. Это свидетельствует о том, что ни человеческая жизнь, ни даже любая другая жизнь не являлась целью, ради которой был создан наш мир. Для большинства из нас, тех, кто воспринимает происходящее с эгоцентрических позиций, это знание оказывается потрясением основ, особенно для нашей не в меру раздутой самооценки. Оно бросает вызов и антропоморфизму, служащему нашим потребностям, и нашим человеческим заблуждениям. Тем не менее это истина, с которой следует считаться.

Изначальная форма жизни представляла собой единственную клетку, способную к последовательному делению ядра и, следовательно, к производству двух живых клеток вместо одной. Этот процесс деления клеток происходил в буквальном смысле слова триллионы раз за сотни миллионов лет ранней истории нашей планеты. Случались и изменения: шли они поистине черепашьим шагом, но приносили с собой удивительные, беспрецедентные, совершенно нетипичные новшества. Мы до сих пор не понимаем, что спровоцировало столь кардинальные изменения и почему они возникли так внезапно или даже совсем не так внезапно. Жизнь попрежнему остается полной загадкой, хоть мы ее и проживаем.

Первые из этих ощутимых изменений проявились, когда вышеупомянутые одиночные клетки, на протяжении сотен миллионов лет одни и те же, начали образовывать клеточные скопления. В мир живых существ пришла клеточная дифференцировка. Этот невероятный первый шаг к сложности и разнообразию означал, что клетке больше незачем выполнять все функции клеточной жизни в гордом одиночестве. Теперь различные функции можно было разделить или даже делегировать. Как только этот шаг остался позади, многоклеточные живые существа стали одним из факторов развивающейся загадки жизни. Затем прошли еще сотни миллионов лет, и совершился еще один шаг, навсегда изменивший природу живых существ. Это изменение разделило всю имеющуюся жизнь на две обособленные формы, которые мы со временем назвали живой и неживой. В тот момент различие между ними казалось ничтожным, почти незаметным. Даже сегодня ботаникам и зоологам, изучающим формы жизни, соответствующие обеим группам этой примитивной классификации, трудно называть одних *живыми,* а других *неживыми.* Но со временем граница между ними стала легко различимой для подавляющего большинства существ. Все это развитие происходило в море и было ограничено им, поскольку поверхность суши все еще оставалась непригодной для любых форм жизни. И эти формы оказались настолько плодовитыми, что море ими буквально кишело.

Следующий значительный этап в развитии жизни начался после того, как живые существа вышли из моря на сушу. Это стало возможно благодаря тому, что поверхность Земли наконец-то сделалась пригодной для поддержания жизни. Как и следовало ожидать, живых существ привлекала новая заманчивая среда обитания. Сперва и растения, и животные пред-

[8] Цит. по: www.quotationspage.com.

принимали робкие вылазки из океанов в речные русла и дельты. Только потом, постепенно, за время жизни многих поколений, эти формы жизни наконец выбрались на сушу, неизменно адаптируясь к меняющемуся окружению, с которым постоянно взаимодействовали. Исход из моря привел к тому, что икромечущие морские обитатели постепенно эволюционировали в яйцекладущих амфибий, а потом – в яйцекладущих сухопутных рептилий. В конце 2008 года в прессе появились статьи о незадолго до того обнаруженных в Арктике окаменелых останках промежуточной формы жизни – недостающего звена между рыбами и рептилиями. Как полагают, это существо, тиктаалик *(Tiktaalik roseae),* жило за 375 миллионов лет до нас[9]. Когда этап завершился и рептилии обосновались на суше, им было суждено процветать так явно, что в виде гигантских динозавров они господствовали на Земле в период, который начался примерно 185 миллионов лет тому назад, а окончился за 65 миллионов лет до наступления нашей эпохи. Именно тогда, по мнению ученых, произошло упомянутое ранее столкновение с огромной кометой. В этой чудовищной катастрофе гигантские рептилии вымерли, открыв путь к господству для теплокровных яйцекладущих млекопитающих. Вместе с этими млекопитающими возникла возможность развития более высоких уровней интеллекта и сознания, чем когда-либо могли достичь рептилии.

Многосторонний биологический диалог между этими живыми существами и физическими элементами их среды обитания, в том числе изменениями климата, вызвал появление великого множества разнообразных форм млекопитающих; ныне их можно изучать и разделять по классам. Эти подгруппы млекопитающих в настоящее время настолько обособлены, что, несмотря на наличие общих предков, уже не в состоянии скрещиваться между собой и давать потомство. Так все многообразие форм жизни стало неотъемлемой частью нашей планеты. **Способность живых существ адаптироваться к непрестанно меняющемуся физическому миру служила ключевым фактором и для их выживания, и для их движения по пути эволюции.**

В какой-то момент этого процесса развития появился и аспект жизни, ныне названный нами сознанием. И опять никто не знает, когда он возник, как и почему. По-видимому, зачаточные формы сознания изначально были не более чем физической реакцией на окружение – на все то, что заставляло реагировать живое существо. Другими словами, сознание началось как адаптивный, имеющий отношение к выживанию механизм. Новые сознающие формы жизни существовали во времени, но не чувствовали, что время проходит. Они мало что помнили о прошлом и не обращались к этим воспоминаниям. Они не предвидели будущее и не строили планов на него. Инстинктивное поведение в некоторых случаях могло выглядеть так, словно оно связано со временем, но при нем отсутствовала свобода не совершать инстинктивных действий – иными словами, свобода не строить гнезд для кладки яиц или не собирать орехи перед зимней спячкой. Для этих существ с новообретенным сознанием время оставалось не более чем одномерным, бесконечным настоящим. Они реагировали лишь на сиюминутную угрозу. И не тратили время на то, чтобы вспомнить вчерашние угрозы или предвидеть завтрашние травмы. Появление сознания заметно улучшило жизнь в этом мире. Лишь по прошествии времени и с точки зрения человека она выглядит ограниченной. После того как осуществилось это крупное достижение, прошел опять-таки продолжительный период – в буквальном смысле сотни миллионов лет, – и все это время так называемое сознание продолжало развиваться.

Примерно в период от двух до четырех миллионов лет тому назад среди приматов возник вид с еще более обширными возможностями мозга – человекоподобные существа, но еще не вполне люди. Вместе с ними был совершен еще один из гигантских скачков по ткани существования, называемой жизнью. В этот решающий момент первичное сознание развилось до уровня самосознания. Датировать момент этого перехода непросто. Возможно, речь идет не о

[9] *New York Times,* 16 October 2008, p. 29A. Автор статьи – Джон Уиффорд.

конкретном моменте, а о довольно длительном периоде, когда кажущийся нерушимым барьер, отделяющий первичное сознание от самосознания, превратился скорее в подвижную границу. Однако это была граница того рода, которые можно пересекать только в одном направлении: ни одно живое существо не сумело вернуться от состояния самосознания к первичному сознанию. Некоторые ученые датируют переход сравнительно недавним временем, утверждая, что он произошел пятьдесят тысяч лет назад, другие называют время в двести тысяч лет до нашей эпохи. Так или иначе, в какой-то момент черта между первичным сознанием и самосознанием была пересечена окончательно и бесповоротно. В этот самый момент на Земле появилась человеческая жизнь, заново определенная наличием самосознания. Произошло нечто радикально новое. Мир навсегда перестал быть прежним.

Обратимся к возможностям нашего воображения, чтобы попытаться представить себе, что значит быть чем-то – или теперь следует сказать «кем-то»? – в ком только что возникло самосознание. Каково это было? Очевидно, ощущения были многогранными, но в том числе наверняка пугающими. Прежде всего, существа, наделенные самосознанием, ощущают себя обособленными от мира природы, неотъемлемой частью которого они были ранее. Теперь они воспринимают себя как противостоящих миру – настолько огромному, что они выглядят карликами по сравнению с ним, и все это внушает им чувства слабости, уязвимости и даже беспомощности. Этот мир также кажется обладающим чудовищной силой, отчего они острее сознают собственное сравнительное бессилие. Пожалуй, наиболее близкой будет аналогия с человеческим младенцем, который после появления на свет испытывает одновременно чувства обособленности, слабости, зависимости и беспомощности. Однако в тот момент истории, который я сейчас пытаюсь вообразить и описать, те же чувства испытывали взрослые, но травмированные человеческие существа. Они как будто вышли из своего тела и посмотрели на него извне. Первым порывом было найти способ вернуться обратно в лоно природы, восстановить свою зону комфорта. Им хотелось укрыться внутри чего-то большего, чем чувствовали себя они сами. Мир природы, от которого самосознание, в сущности, обособило их, был полон сил, непонятных им и никогда прежде не побуждавших их задуматься. В этом мире было солнце, которое на их глазах восходило на востоке, путешествовало по небу и заходило на западе. Солнце приносило тепло и свет, в которых они нуждались. Ночью оно исчезало, и надвигались страх, мрак и холод. Наши средневековые предки выразили все это в молитвах об избавлении их от «страхов ночных»[10]. На небе появлялось светило поменьше, которое в конце концов было названо Луной. Оно слегка рассеивало ночной мрак, но постоянно меняло размеры, превращаясь из целого светящегося диска в тонкий серпик. Иногда казалось, что какое-то гигантское чудовище откусило от него часть. Наконец лунный свет исчезал, воцарялся кромешный мрак, и лишь на третий день появлялся новый светящийся серпик, который в последующие дни понемногу рос и становился ярче, пока не начинал сиять в полную силу, – только для того, чтобы снова угаснуть. Эти изменения вида Луны стали первым способом вести счет времени. О прошлом говорили, что оно случилось «много лун назад». Наши календари до сих пор свидетельствуют о двенадцати сменах фаз Луны в год, а также пяти с четвертью сутках, которые люди добавили к году разными изобретательными способами, чтобы календарь и времена года оставались сравнительно постоянными.

В том же таинственном небе ярился ветер, с него проливались ливни, в нем полыхали молнии и гремели раскаты грома. Дождь напитал ручейки и реки; они прорезали иссушенную землю, даря ей воду, а вместе с ней и жизнь. И все эти реки, большие и малые, в конце концов впадали в огромные водоемы там, где кончалась земля. Эти океаны, как их назвали впоследствии, нескончаемой чередой волн бились о землю, – с неутомимым, а иногда и свирепым

[10] Слова из средневековой шотландской молитвы: «От упырей, и призраков, и длинноногих чудищ, и от всех страхов ночных избави нас, благий Господи».

постоянством. И все это, как полагали люди, пребывало в природе вечно, а иным и новым в ней стали обособленные очаги самосознания, которые сомневались, задавались вопросами и стремились понять материальный мир. Стало ясно, что существам, обретшим самосознание, теперь предстояло понять окружающий мир, а еще воздействовать на него и управлять им так, как прежде они не могли и подумать. У них возникли вопросы о цели, смысле и предназначении. Они пытались выяснить, кто они и в каких отношениях состоят с остальным миром.

Двое моих внуков, близняшки, когда им исполнилось пять, по тысяче раз на дню спрашивали «почему это?», «почему то?» – этот вопрос задают лишь те, кто обладает самосознанием. Детская любознательность напоминает о ранних стадиях развития человечества, когда все вокруг было загадкой, а вопрос «почему?» – адекватной реакцией человека на нее. В некотором смысле жизнь каждого из нас, как я уже отмечал, повторяет стадии развития человечества. Мне кажется, первые люди просто не могли выдержать боли, страданий и тревог, пережитых, словно «родовая травма», при переходе к самосознанию: это было превыше их сил. И с того момента, как самосознание утвердилось на планете Земля, жизнь навсегда перестала быть прежней.

Именно тогда люди, осознавшие себя, осознали и время, – и их страх возрос во сто крат. Они поняли, что жизнь эфемерна, – и обрели знание, которым не обладали звери; осознав бренность жизни, они осознали и то, что время идет сквозь нее лишь в одном направлении, к концу, и с каждым днем он все ближе. Концом жизни является смерть, неизбежная участь любого живого существа, но это могли понять лишь те, кто сознавал себя. А еще осознание времени означало, что сознающие себя существа могут выходить за пределы нынешнего промежутка времени в обоих направлениях. Они могли вспоминать и даже мысленно воскрешать прошлое. Могли предвидеть и планировать будущее. Могли размышлять о вечности. Только представьте, как все это повлияло на наши чувства в тот удивительный миг, когда свершился переход от первичного сознания к самосознанию. Теперь люди могли вспомнить прошлые страхи и вчерашних хищников и сделать эти воспоминания частью настоящего; могли охватить разумом идею смертности и понять, что такова их неизбежная судьба. И потому участью людей стал страх – не просто отклик на опасность, но страх хронический, непрестанный, вошедший в самую суть. Стремление выжить, явная часть той силы, что движет всеми живыми существами, теперь перешло на более высокий уровень самосознания. С появлением самосознания для человеческих существ стало естественно жить в постоянном страхе и тревоге. Обладатели самосознания уже не могли существовать в одномерном настоящем, как, вероятно, живут те, кто наделен лишь первичным сознанием. Как ясно нам, нынешним потомкам древнейших людей, чтобы быть человеком, нужна нешуточная смелость. Самосознание навечно ввергает нашу эмоциональную жизнь в состояние нескончаемой перегрузки.

У людей, осознавших себя, не было ни образцов для подражания, ни навыков, позволяющих справиться с новой реальностью. Первопроходцам всегда приходится с трудом торить путь. Теперь людей и зверей разделяла пропасть. Библейское предание о сотворении улавливает эту истину: согласно ему Адам, первый человек, получил власть над всеми птицами небесными, всеми рыбами морскими и всеми зверями полевыми; нарек им имена по праву властелина, как повествует древний сюжет, и все, имевшие иную природу, были призваны служить и нести пользу человеку, наделенному самосознанием (Быт., гл. 2). Новоиспеченные люди начали заявлять о себе так, чтобы подчеркнуть свою уникальность, свое ключевое отличие. Они говорили, что созданы по образу и подобию творца, находящегося за пределами их мира, и потому обладают некой вечной ценностью. Ни одно живое существо за все долгие миллиарды лет, прошедшие с момента зарождения первой жизни, не знало и не чувствовало того, что начинали ощущать наделенные самосознанием люди. Человеческая жизнь отличалась от всего, когда-либо известного нашей планете.

Как и всегда, когда происходит прорыв на новый уровень понимания, страх, неразрывно связанный с новизной, всегда более очевиден, нежели возможности, которые открывает прорыв. Подозреваю, что после первых стараний вернуться обратно «в материнское лоно» и осознания их тщетности люди неодолимо возжелали справиться с чувством обособленности и муками одиночества. Вероятно, эта первая реакция нашла отражение в библейском предании, где первый мужчина и первая женщина пытались вернуться в сад Эдемский, в котором, как гласит повествование, они некогда пребывали «едиными с Богом» или, по крайней мере, едиными с природой. Адам и Ева выяснили, что самосознание – путь в новую реальность, вернуться по которому обратно уже нельзя. Врата в сад с мифическим единством были заперты и, согласно преданию, их охранял ангел с пламенным мечом (Быт. 3:24). Смысл предостережения, давшего название одному из романов Томаса Вулфа, – «Домой возврата нет», – был изведан как сугубо реальный еще на заре эпохи самосознания[11].

Человечества как общего понятия на самом деле нет. Это конструкт, находящий свое отражение только в жизни отдельных людей и явленный благодаря этим людям. Мы сможем рассмотреть влияние самосознания на человеческую жизнь во всей ее цельности только одним способом – если обратимся к его влиянию на жизнь конкретного человека. Отсюда уже можно выводить «человеческие модели». И потому путь к постижению человеческой жизни, в общем, столь глубоко уводит нас в жизнь отдельно взятого человека, что мы можем прорваться к осознанию того, что является общим для всех нас. Я пойму, что значит «жить», лишь когда осознаю, что значит «умереть», – и наоборот, узнаю, что такое «умереть», когда пойму, что такое «жить». **Для того чтобы когда-нибудь суметь убедительно рассуждать о жизни после смерти, я должен научиться жить еще до смерти.**

Жизнь после смерти не имеет смысла – если ее нет до смерти. Вот почему мой подход вынуждает меня переходить от истории человечества к моей личной истории и обратно. Самосознание и новые представления о времени придали человеческой жизни еще одно измерение, побудили людей иметь дело со смертностью и даже идеей полного исчезновения. Как справляется со всем перечисленным живой человек? Я могу ответить на этот вопрос лишь сквозь призму личного восприятия. И теперь я продолжу историю о том, как учился бороться со смертью, пока не обнаружил в этой борьбе универсальные подсказки, пролившие свет на угрозу, страх и силу, с которыми смерть, как кажется, властвует над нашей жизнью, а также на то, что они значат и как их можно преобразить.

[11] Томас Вулф. «Домой возврата нет». См. библиографию.

4. Танец со смертью: открытие бренности

Сделай из себя остров, стань самому себе убежищем; иных убежищ нет[12].
Сиддхартха Гаутама, Будда

Мой первый непосредственный опыт столкновения со смертью состоялся, когда мне не было и трех. Вместе с ним постепенно изменились и развились мои представления о том, что значит быть живым. Поучительно наблюдать, что именно вспоминает ребенок о своей первой встрече со смертью. Когда что-либо попадает на хранение в «банк памяти» малыша, это воспоминание оставляет неизгладимое впечатление. Такова сила смерти.

У нас в гостиной стоял маленький аквариум. Меня завораживал вид стремительных пестрых рыбок, плававших в своем водоеме и на вид очень довольных. Эта шустрая мелюзга всплывала и выпученными губами хватала корм, высыпанный на поверхность воды. Вполне возможно, к тому времени я уже знал слово «рыбка», но вряд ли у обитателей аквариума были имена. Однажды я спустился к завтраку, остановился у аквариума и увидел, что одно из этих маленьких созданий плавает на поверхности воды. Ничего подобного я еще не видел и понятия не имел, что это значит. Думаю, «нормальным» поведением в конечном итоге считается то, которое повторяется; а это поведение было неожиданным, и я, наверное, расценил его как ненормальное. Первым моим побуждением было позвать маму. Деловито, не тратя лишних слов, она просто взяла на себя обязанности могильщика. Без всяких церемоний она окунула в воду маленький сачок, выловила неподвижную рыбку, донесла ее до унитаза, и поток спущенной воды навсегда унес некогда живое существо прочь. Все произошло совершенно внезапно.

В тот день я узнал, что живые создания умирают, а когда она мертвы, то исчезают. Реальность смерти вошла в мой мир, положив начало моим неизбежным человеческим попыткам понять смысл этой реальности. Начался мой танец со смертью. Смерть требовала осмысления, чем я и занялся. Но в столь юном возрасте мне не хватало словарного запаса, не говоря уже об интеллектуальных возможностях, чтобы разобраться в полученном опыте, поэтому вся обработка представляла собой немногим более чем старания взять этот случай себе на заметку, сохранить его в памяти вместе со всеми выводами, к которым я пришел, и вопросами, которые вызвало увиденное. Существо, вчера еще живое, сегодня уже не было живым и навсегда исчезло из моей жизни. В экзистенциальном смысле я прикоснулся к идее конечности, начал искать ей применение и задаваться вопросами, которые прежде у меня никогда не возникали.

Казалось, маленькой золотой рыбке не придавалось никакого значения и ценности. Ее было легко заменить, и жизнь продолжалась. Никто не горел желанием задуматься о случившемся. Не уверен, что до того я даже *себя* считал живым существом, не говоря уже об этой рыбке. Однако по прошествии стольких лет я по-прежнему помню этот момент и теперь, похоже, понимаю, почему. Я заметил то, что, по-видимому, может испытать лишь существо, наделенное самосознанием. Жизнь проживается между началом и концом. Я стал свидетелем конца. Похоже, людям суждено всегда осознавать, что они живут между этими двумя точками. Люди знают, что если они посмотрят назад, то увидят начало, рождение, а если вперед – то конец, смерть. Другие золотые рыбки не заметили уход из жизни одной из им подобных, а люди обратили на него внимание. Таков один из множества аспектов, благодаря которым человеческая жизнь разительно отличается от жизни других животных. Эту интеллектуальную формулу просто вывести, но трудно постичь. Два утверждения образуют границы: все живые существа

[12] «Дигха-никая» («Сборник длинных [наставлений]»). Цитируется по неопубликованной статье, написанной одним из моих бывших студентов Гарварда, Дэвидом Суньига.

умирают. Я – живое существо. Вывод очевиден, логику довольно легко распознать, – но нет, я не пришел к неизбежному заключению, пока что нет. Однако я впервые начал постигать смысл конечности и бренности. Этот опыт стал частью того, что я в дальнейшем назвал своим «банком данных», но принять его было нелегко, и приходилось возвращаться к нему снова и снова по мере поступления ко мне новой информации.

Природа человеческой жизни такова, что новая информация, требующая осмысления, дополняет значение всего опыта прошлого. Эта информация заставляет нас смотреть на жизнь под разными углами. Мысль о том, что нечто может перестать жить и стать мертвым, нелегко забыть ребенку, каким я тогда был, или, возможно, нелегко подавить в себе, даже если речь идет всего лишь о золотой рыбке. Эта мысль так никогда и не исчезла, и время от времени новый опыт действовал на мое сознательное мышление и вновь пробуждал интерес к неразрешенной загадке.

В детстве я был не особенно близок с моим дедом с материнской стороны. После смерти его первой жены он женился на моей бабушке, внуки у него появились еще до моего рождения. Из числа детей он меня никак не выделял, или мне так казалось. Но в нашей большой семье он занимал видное место, вдобавок был человеком, а не золотой рыбкой. Скончавшись от инсульта еще до того, как мне исполнилось пять лет, он стал моим первым воспоминанием о человеке, который умер. Чувства огромной утраты я не испытывал, поскольку знал его лишь отдаленно, но мамины слезы и ее явное горе означали, что его смерть – значительная потеря, по крайней мере для нее. Так что мамина реакция на смерть моего деда оказала на меня существенное влияние. Подобно большинству детей младше пяти лет, я не вполне разбирался в семейных отношениях. До меня еще не дошло, что мой отец для моей мамы – то же, что и мой отец для меня. Однако смерть моего деда подкрепила для меня растущее понимание того факта, что смерть реальна и что все живое умрет. Когда я спросил – видимо, с сильным беспокойством, – умру ли я тоже, мама объяснила мне, что умирают только «старые люди», так что у меня нет причин беспокоиться. Но вместе с тем мне было ясно, что говорить об этом ей неловко, поэтому продолжать расспросы я не стал. Я просто перенял ее тревогу.

На похоронах деда я не присутствовал, так что не увидел в его тела, лежащего в гробу, и не смотрел, как гроб опускали в могилу и засыпали землей. Мой опыт исчерпывался тем, что мой дедушка, как и золотая рыбка, исчез. И больше я его никогда не видел. На мой вопрос о том, куда он ушел, мама ответила: «Он у Бога». Этот ответ прозвучал для меня утешительно, прежде всего потому, что Бога называли «Отцом». Все в порядке, заверила меня мама, ведь теперь дедушка совершенно счастлив. Ее слова для меня были лишены смысла, поэтому я опять прекратил дальнейшие расспросы. Но задумался о том, что значит состариться. Когда я состарюсь? Состарятся ли мои родители? Могут ли умереть *они?* Эти мысли стали новым источником тревог, о которых мне даже не хотелось спрашивать. Теперь-то я знаю, что моей маме было всего двадцать восемь лет, когда умер ее отец, а ему, моему деду, не исполнилось и семидесяти. Возраст – относительное понятие. Как и старение.

Возможно, разговоры с мамой о смерти принесли бы мне больше удовлетворенности и даже утешения, если бы она не выбрала как раз этот момент, чтобы научить моих братьев, сестер и меня «читать молитву» каждый вечер перед сном. Может быть, к этому ее подтолкнула именно дедушкина смерть. Или же приучение к вечерней молитве началось раньше, но в моем сознании эти два события оказались неразрывно связанными и подкрепляющими друг друга. Я совершенно уверен в том, что мама не усмотрела связи между нашими разговорами и словами молитвы, которой учила нас, но я увидел эту связь, и она меня весьма встревожила. В молитве, которой учила нас мама, были такие слова:

Готовлюсь к ночному я сну отходить.
Боже, прошу мою душу хранить.

А коль суждено умереть мне во сне,
Боже, возьми мою душу к себе.

Из этой молитвы ясно следовало, что умереть могу и я. Кроме того, в ней смерть ассоциировалась с отходом ко сну, с темнотой и ночью, а бодрствование – с зарей, дневным светом и даже воскрешением. В дальнейшем пасхальные гимны подтвердили эту словесную ассоциацию. Мы пели «Явись, светлое утро», и смерть отождествлялась с «длинной тенью» мрака и ночи[13]. Но **именно молитва на ночь разъела мою зону комфорта**, возведенную на фундаменте «факта», которым поделились со мной: умирают только старые люди. **Молитва намекала, что каждая ночь может стать для меня последней**. Когда я довольно уклончиво поделился тревогами, явно вызванными этой молитвой, мама удивилась. Она явно никогда не задумывалась над этими словами. Для нее они оставались строчками привычной детской молитвы, которой некогда учили ее саму. Она объяснила: «Маленьких детей приучали говорить эти слова Богу на протяжении веков». Я ждал дальнейших пояснений. «Это было давным-давно, – продолжала мама, словно эта мысль только что пришла ей в голову, – и тогда, наверное, некоторые дети действительно умирали, – в древние, давно минувшие времена, когда у нас еще не было хороших врачей и лекарств». Даже тогда объяснение показалось мне малоубедительным. С тех пор я узнал, что именно такими оказываются большинство религиозных объяснений – малоубедительными. Например, мне время от времени рассказывали, что дьявол всегда препятствует воле Божией и что Бог всемогущ. Но как может быть правдой и то, и другое? По логике, эти два утверждения просто не могут сосуществовать. Мне уже начинало казаться, что цель религиозных объяснений – вовсе не объяснить, а отвлечь от вопросов, приглушить боль, а если не удастся – то заслонить реальность. Но так как в слова моей молитвы на сон грядущий мама, по-видимому, нисколько не вдумывалась, я принял решение также не вдумываться в них, хотя и обнаружил, что следовать этому решению становится все труднее и труднее.

В дальнейшем я предположил, что молитва – нечто вроде ритуального гипноза. Несмотря на то что эти слова произносили все, ни от кого не ждали веры в них. Я начинал понимать, что религиозные ритуалы определяются как часть человеческой потребности отрицать, сдерживаться и делать вид, что все эти ухищрения полезны, когда реальность ставит нас перед тем, что превосходит нашу способность эмоционально справиться с ситуацией. На том этапе своей жизни я просто не умел отделять потребность людей в притворстве от их стремления к поиску истины. Организованная религия также всегда размывает границу между ними.

Когда в семилетнем возрасте я учился во втором классе Дилвортской начальной школы в Шарлотте, Северная Каролина, реальность смерти снова вторглась в мою ментальную крепость, как периодически происходит с каждым. Мой танец со смертью вновь достиг крещендо; гарантии безопасности, которые годами вроде бы помогали справиться со смертью, раз и навсегда улетучились, а я остался перепуганным, дрожащим и беспомощным. У одного из моих одноклассников были санки *Flexi Flyer* – подарок на Рождество, которым он особенно дорожил. Для тех, кто не знаком с этой игрушкой: она действительно похожа на санки, но не на полозьях, а на роликовых коньках. В моей родной Северной Каролине снега почти не бывает, поэтому традиционные санки бесполезны и встречаются редко. *AFlexi Flyer* хоть и санки, но им не нужен снег. Управлять ими можно ногами, в положении сидя, или руками, лежа головой вперед. Для того чтобы отлично прокатиться, требуется лишь одно: заасфальтированная дорога с горки. Кататься было удобнее по тротуару, но годилась и проезжая часть. Этот мой одноклассник с другом, обоим было по семь, нашли подходящую горку на тихой Юклид-авеню. Я до сих пор

[13] *The Episcopal Hymnal 1940* («Сборник гимнов Епископальной церкви за 1940 год»), № 87.

отчетливо помню это место. Но Юклид-авеню вливалась в Тремонт-авеню с сильным движением. Катаясь с горки, мальчишки выскочили на эту оживленную транспортную артерию и мгновенно погибли под колесами мчавшейся навстречу машины. Уверен, водитель даже не понял, что происходит: низенькие санки стрелой вылетели на проезжую часть. В школе на следующий день учитель объяснил нам, почему наших одноклассников нет рядом и почему они больше никогда не придут. В тот день я узнал, что семилетние мальчики могут умереть и умирают. Эти мои сверстники не были старыми. «Произошел несчастный случай, – объяснили мне. – Винить некого». Да, мальчишки поступили глупо, затеяв игру на улице, но они действительно не понимали, насколько это опасно. В тот день в школе мы наслушались наставлений о правилах безопасности, об авариях и о том, как опасно играть на улице. Я старался обобщить все, что узнал. На похоронах я не присутствовал – ни на тех, ни на других. С родными погибших мальчиков я не был знаком, поэтому не видел, как мучительно горе. Правда, у меня прибавилось данных для обработки, и устрашающих данных, но подавление реальности действует, как и вытеснение неприятного опыта, и жизнь продолжается.

Трудно воскресить в памяти то, насколько близким другом может быть собака для мальчишки, но смерть моей собаки Папа – мне тогда было десять, хотя нет, почти одиннадцать, – стала следующим событием, из-за которого моя озабоченность вопросами смерти стала неотъемлемой частью моего растущего осознания. Собака безусловно важнее золотой рыбки, а эта конкретная собака играла в моей повседневной жизни гораздо более заметную роль, чем даже дедушка, сдержанный, суровый и далекий. Я постоянно играл с Папа. Каждый день, когда я возвращался домой из школы, он встречал меня, виляя хвостом и явно выражая радость. Этот пес, помесь колли и немецкой овчарки, был достаточно крупным, чтобы резвиться со мной во дворе, бороться, валясь на земле, и даже дотянуться до моего лица и лизнуть его. У нас в семье эта собака прожила даже дольше, чем я. Имя ей досталось благодаря моей старшей сестре Бетти, которая не могла отчетливо выговорить «паппи» [щенок], когда он только появился в доме, и наш питомец стал Папа. С тех самых пор, как я себя помнил, Папа был рядом, и я не думал, что когда-нибудь его уже не будет. Он просто был частью нашего дома. Будто мебель. Да, будто моя кровать. Ему минуло двенадцать лет, а я понятия не имел, как долго живут собаки. И когда однажды утром оказалось, что он умер, проблема смерти вновь неотвратимо встала передо мной. Нет, никаких несчастных случаев на сей раз не случилось. Никакой нечестной игры. Смерть наступила по естественным причинам. Так я впервые изведал скорбь от тяжелой утраты. Я оплакивал эту потерю. И в тот же раз я впервые увидел похороны. Мой отец вырыл могилу. Я мысленно отметил, что умерших существ хоронят в земле. Мы обозначили место могилы камнями, цветами и даже маленьким крестиком из палочек. Я не совсем понял, что означает крест: подумал, его просто принято ставить на могилу. Но там, где место в моем сердце раньше занимал пес Папа, теперь зияла пустота.

К тому времени как умерла моя собака, я регулярно посещал воскресную школу и слышал рассказы о месте, которое называли «раем», а также, несколько реже, – о месте, называемом «адом». Мои учителя из евангелической воскресной школы были взрослыми, а я по-прежнему находился во власти иллюзии, что взрослые знают о жизни все. И вскоре после смерти Папа я спросил учителей, увижу ли я когда-нибудь снова мою собаку. Оба заверили меня, что увижу, но их ответам недоставало подлинной убедительности. Их беспокоило скорее мое горе, нежели реальность будущей жизни. И если заверения могли мне помочь, они охотно и с готовностью предлагали их. Однако дети улавливают разницу, и слова учителей меня не убедили. Я знал только одно: моей собаки больше нет. Люди говорили мне, что всегда можно завести другую. Казалось, собак они воспринимают как нечто заменимое. Эта мысль была для меня новой и неутешительной. Пса Папа я воспринимал как члена своей семьи. Неужели членов семьи можно заменить? Об этом я не спрашивал вслух, только мысленно. Теперь тень смерти казалась мне длиннее, чернее и еще неизбежнее. Она надвигалась на меня, а я при этом начи-

нал понимать, что значит быть человеком. Что это всегда нелегко. Людям приходится танцевать со смертью, прежде чем они сумеют радоваться жизни и смеяться вместе с ней.

Мне было двенадцать, когда смерть вновь явилась к нам в семью. Умер отец. У него болело сердце, несколько месяцев он провел, прикованный к постели. Но я не понимал, что это означает. И конечно, никак не ожидал, что он умрет. Ближе к концу его жизни появились зловещие признаки, но в то время я не знал, как их истолковать. К нам все чаще приходил дядя Эрнест, самый младший из братьев отца и мой самый любимый дядя. В ту ночь, когда отец умер, у нас гостила тетушка Джин, его сестра. Он был центром нашей семьи из пяти человек, кормильцем, хотя я тогда не знал, что это значит. По работе он много путешествовал, в основном на машине, иногда на поезде. Мы привыкли к его отлучкам, но он всегда возвращался. Уезжая утром в понедельник, он возвращался или в четверг, или в пятницу вечером. Его возвращения мы с нетерпением ждали каждую неделю, и не только потому, что скучали по нему, но и потому, что он привозил нам подарки. Пока он был в отъезде, мы чувствовали, как не хватает его дома.

Сейчас, по прошествии лет, я вспоминаю: в последний год своей жизни он почти никуда не ездил. Но тогда я не понимал, почему и что это могло означать. Лишь теперь я сознаю, что крепостью здоровья он не отличался. Он страдал избыточным весом – сто два кило при росте в метр семьдесят шесть. Его облик в моей памяти неразрывно связан с двойным подбородком. Насколько я знаю, спортом он не занимался. Я не понимал и даже представить себе не мог, как отразится его болезнь на финансовом положении нашей семьи. Но я сразу обратил внимание, как изменился наш дом, когда пришлось устраивать для отца спальню в прежней гостиной, чтобы избавить его от необходимости подниматься по лестнице. О смерти отца поздно ночью меня известил громкий крик: мама звала тетю Джин. Я содрогнулся, догадываясь, что может означать этот крик, но оцепенел, не решаясь встать с постели и проверить свою догадку. На рассвете тетя зашла ко мне сообщить, что отец умер. Смерть вновь вторглась в мое сознание, но на этот раз заняла настолько центральное место, что мне больше не удалось оттеснить ее на окраину своей жизни.

В следующие несколько дней дом наводнили утешители. Когда они заканчивали разговор с взрослыми, в число которых включали и мою старшую сестру Бетти, и обращались ко мне, старшему сыну, и к моему девятилетнему брату Уиллу, многие считали необходимым объяснить, как счастлив мой отец теперь, когда он уже не болен. В разговорах часто звучало слово «рай» как место высшего блаженства. Люди говорили, что это высшая цель, на какую только может надеяться человек, ибо в присутствии Бога ему обеспечена вечная радость. Но даже я, с моим неокрепшим умом, видел в этих объяснениях некую червоточинку: ведь если мы и вправду верим в рай, почему нам так грустно? Если папа счастлив, почему все, кто любит его, в том числе моя мама и старшая сестра, настолько безутешны? Религиозное мышление казалось мне оторванным от реальности. Я пытался осмыслить разговоры о рае, которых наслушался с лихвой, но чем больше старался, тем меньше смысла в них видел. **Кто-то из соболезнующих даже уверял меня, что Богу, наверное, понадобилось, чтобы мой отец был с ним. Я задумался, почему потребности Бога должны быть превыше моих собственных.** Такое божество я счел странным. Много лет спустя я услышал, как пожилая женщина говорила девятилетнему мальчику то же самое почти слово в слово о его отце, умершем от инфаркта сравнительно молодым. Этот мальчик, которого звали Джон Нельсон, в ответ выпалил: «Ну так будь он проклят, этот Бог!» Казалось, женщина была всерьез уверена, что молния поразит его на месте – или, возможно, ее саму, за то, что слушала подобные слова. А я подумал, что это лучший ответ на набожную чушь, какой я когда-либо слышал. Бог, которому отец Джонни понадобился больше, чем самому Джонни, выглядел демоном, заслужившим проклятия.

Разумеется, ничто в рассуждениях на тему «рай – это хорошо», вызванных смертью моего отца, не имело для меня никакого смысла, как не имеет и сейчас. Если смерть – настолько

великое благо, гадал я, тогда почему врачи старались изо всех сил, чтобы сохранить моему отцу жизнь? Мне объяснили, что его смерть – воля Божия. От этого я задумался глубже прежнего. Неужели все в мире происходит по воле Божией? Но зачем Богу понадобилась смерть отца троих еще не выросших детей, мужа тридцатишестилетней женщины, кормильца и финансовой опоры семьи? Бог такого рода представлялся мне не имеющим смысла, особенно когда я пытался увязать этот образ с непреклонно строгим Богом-моралистом, с которым регулярно сталкивался в нашей церкви. В церкви мне изображали Бога вознаграждающим и карающим, сверхъестественным, опекающим божеством. В мою нежную детскую душу запал скорее страх перед этим Богом, чем его любовь. Церковь недвусмысленно разъясняла, какое поведение считается добродетельным, а мой отец нарушал все правила, и некоторые – систематически. Это также внушало страх и не только придавало разговорам о райских кущах бесполезность, но и наполняло их ужасом.

Высшей из человеческих добродетелей, всецело одобряемой Богом, моя церковь провозглашала регулярное посещение церкви. А отец редко бывал там разве что на Рождество и Пасху, и то по принуждению. Истинно христианская жизнь, утверждала моя церковь, отмечена личными привычками, не имеющими ничего общего с серьезными пороками, под которыми подразумевались употребление спиртного, курение, азартные игры и сквернословие. А мой отец время от времени пил, выкуривал по две пачки сигарет в день, любил поиграть на автоматах в местном «Клубе оленей» и регулярно играл с друзьями в покер или бридж. Кроме того, он умел ругаться и даже поминал имя Господа всуе! Церковь учила меня, что Бог умеет вести учет. Ничто не ускользнет от божественного взора, говорили мне. Каждое деяние записано, твердили учителя в воскресной школе, и подкреплено свидетельствами ангелов. Я полагал, что по всем этим причинам спорить с Богом невозможно. Эту книгу учета прочтут в день смерти каждого как обязательный элемент ритуального суда. И после смерти отца, когда знакомые приходили к нам домой, чтобы выразить соболезнования и объяснить мне, что мой отец был прекрасным христианином и что мне следует утешаться мыслью, что он будет вознагражден, их слова просто не увязывались с остальными. Если судить отца по меркам, заявленным церковью в качестве стандарта, тогда мой отец виновен по всем статьям и не в ладах с тем, что церковь называла «законом Божиим». Моя церковь совершенно недвусмысленно высказывалась о том, какая участь ждет грешников. По этим меркам мой отец был обречен на суд и ад. В то время я совсем запутался. Набожные разговоры о райском блаженстве противоречили определению греха, данному церковью, и ее учениям о суде и наказании. Если религия и предназначалась для того, чтобы утешить меня, она потерпела фиаско. Точнее, привела меня в состояние острого эмоционального конфликта. Мне казалось, что старания церкви управлять поведением верующих с помощью теологии наград и наказаний лишают содержания ее разглагольствования о Боге, имя которому – любовь. Факт остается фактом: моя церковь не смогла утешить меня в минуту скорби. Мало того, она усугубила мою тревожность.

Как и в те дни, когда умер мой дед, я считался еще слишком юным, чтобы присутствовать на похоронах отца, поэтому понятия не имею, что там происходило и с какой целью. И я предположил, что это «для взрослых». Как я уже усвоил, смерть – то, что скрывают от детей и даже отрицают. Эта тактика лишь давала обильную пищу моему воображению и вызывала у меня новые вопросы.

Кто-то из гостей, приходивших в то время к нам, обронил фразу: «Нет в семье Спонгов долгожителей!» Так говорили и другие. Они ссылались на тот факт, что отец моего отца, мой дед, которого я никогда не видел, умер в пятьдесят девять. Они не упоминали, что его сгубила эпидемия гриппа после Первой мировой. Брат отца, мой дядя Белсер, умер в сорок девять, но из-за аварии. Любопытно, как подтасовываются факты в подкрепление постепенно формирующейся мысли. Даже без этой подтасовки идея выглядела странной, отнюдь не утешительной, но я принял ее за чистую монету, и мой танец со смертью стал явно выраженным

и личным. Мне было уже не скрыться от тени, которую отбрасывали эти утверждения, – или это было пророчество? Нет в семье Спонгов долгожителей! С этого момента смерть стала для меня неизбежностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.